

БОУЛИНГ-79

р о м а н

•
Тот, кто
заблудился
в восьмидесятых,
получает
новый шанс!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Боулинг-79

«ЭКСМО»

2006

Литвиновы А.

Боулинг-79 / А. Литвиновы — «Эксмо», 2006

За дверями квартиры прогремел выстрел. Когда милиция взломала дверь, то обнаружила на полу кухни пистолет, в котором не хватало одного патрона, одну стреляную гильзу и – двоих мужчин с пулевыми ранениями в голову... Кто эти тяжелораненные и что произошло между ними? Обстоятельства дела очень загадочны, и к расследованию подключились оперативники сверхсекретной комиссии Сергей Петренко и Варвара Кононова. Они выяснили – тайна уходит корнями в далекое прошлое, когда двое студентов, Валерка и Володя, были влюблены в одну и ту же девушку, очаровательную Лилу...

© Литвиновы А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Наши дни	5
Пару лет назад	8
* * *	11
* * *	14
* * *	16
Наши дни	20
1979 год: кинотеатр «Зарядье»	22
1979 год: ресторан «Пекин»	33
Пару лет назад: телецентр «Останкино»	43
* * *	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна и Сергей Литвиновы

Боулинг-79

Наши дни

Газета «Молодежные Вести».

22 июня 2006 года

ДВОЙНОЕ САМОУБИЙСТВО НА УЛИЦЕ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН

Автор – Кира Раенко

Полное загадок преступление произошло в Москве. Случилось оно в зловещий день 6 июня 2006 года, который многие из-за сочетания трех шестерок в дате (06.06.06) считали «дьявольским». Несмотря на то, что со времени преступления прошло уже более двух недель, правоохранные органы до сих пор держали случившееся в тайне – настолько странными выглядят его обстоятельства.

Итак, днем шестого июня жильцы дома № 17 по улице Красных Партизан услышали громкий шум в квартире на шестом этаже: там ссорились двое мужчин. Затем из-за двери раздался выстрел. Соседи тут же позвонили в милицию.

К моменту, когда на место происшествия прибыли служители порядка, в квартире уже установилась зловещая тишина. На звонки никто не отзывался. Людям в погонах пришлось ломать дверь – благо она оказалась не бронированной и не железной, а обыкновенной, деревянной.

Внутри квартиры милиционеры обнаружили жутковатую картину. Пол в кухне был залит кровью. В центре помещения валялся пистолет системы «макаров», в патроннике которого не доставало одной пули, а также единственная стреляная гильза. А на полу лежали два мужских тела. В каждом из них имелось по пулевому ранению – в обоих случаях в голову. И наличие пистолета, и угощение на столе (дорогая водка и коньяк), и далеко не дешевая одежда пострадавших делали несостоятельной версию, что произошла столь частая в нашем отечестве бытовая ссора между двумя забулдыгами. Холеный вид и дорогие украшения одного из мужчин также свидетельствовали, что случившееся явилось не обыкновенной пьяной разборкой. Кроме того, наряд из... отделения милиции в составе сержанта Калюжного и старшего сержанта Крючкина (оба, кстати, обучаются в Высшей школе МВД) обратил внимание, что выстрелы произведены по мужчинам с чрезвычайно близкого расстояния – так, словно они пытались совершить коллективное самоубийство или играли в «русскую рулетку». При этом, однако, второго пистолета в квартире не оказалось.

И тут выяснилось, что убить друг друга (или самих себя?) мужчинам не удалось. Стражи порядка обратили внимание, что оба они подавали слабые признаки жизни. Милиционеры немедленно вызвали карету «Скорой помощи».

Медики доставили потерпевших в Институт скорой и неотложной помощи. Раны мужчин сначала показались врачам несовместимыми с жизнью. У каждого пострадал (возможно, необратимо) головной мозг.

Однако доктора начали настоящую борьбу за их жизнь. Операции, проводившиеся на соседних столах, длились соответственно шесть и семь часов. Высококвалифицированные врачи спасли обоих, однако состояние мужчин остается до сих пор крайне тяжелым. И тот, и другой находятся в коме, и медики не решаются даже давать прогнозы: когда кто-нибудь из них сможет не то что дать внятные показания, но хотя бы очнуться.

Между тем милиция начала расследование по горячим следам – и тут стали выясняться удивительные вещи. Во-первых, до сих пор не удалось установить личности ни того, ни другого из потерпевших. В одном из них соседи опознали человека, в последнее время проживавшего в квартире, где произошло преступление. По их свидетельству, данный гражданин снял жилье около двух лет назад. Он был вежливым и спокойным, дома часто отсутствовал, однако ни в чем предосудительном замечен не был.

Между тем в квартире не удалось обнаружить ни единого документа, удостоверяющего его личность. Служители порядка вышли на хозяина жилья. Тот подтвердил, что действительно сдал жилье мужчине средних лет – однако сделку, по понятным причинам, документально не оформил. Квартиросъемщик показывал хозяину свой паспорт, однако как его зовут, тот успел позабыть – тем паче, что платил клиент аккуратно.

Второго пострадавшего никто из соседей никогда не видел. Он, по всей видимости, пришел в гости к нынешнему жильцу квартиры – но также не имел при себе никаких документов. Впрочем, дорогой телефон и украшения свидетельствуют, что он является весьма обеспеченным человеком. Однако до сих пор никто не заявил о пропаже мужчины такого же, как потерпевший, возраста и социального статуса. Естественно, и сам он, находясь между жизнью и смертью, ничего поведать ни о себе, ни о случившемся в тот злополучный день не мог.

В итоге личности обоих пострадавших до сих пор не удалось установить. И пока остается тайной: что же произошло на шестом этаже в доме № 17 по улице Красных Партизан в тот злополучный день шестого июня?

Газета «Молодежные Вести»

29 июня 2006 года

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПОВОРОТ

Автор – Кира Раенко

Мы уже сообщали (в номере от 22 июня сего года) о странном преступлении, совершенном в столице akurat в «сатанинский» день 06.06.06. Напомним, что в одной из квартир дома по улице Красных Партизан были обнаружены двое мужчин с тяжелейшими огнестрельными ранениями, практически несовместимыми с жизнью. Сейчас оба пострадавших находятся в коме в реанимационном отделении Института скорой и неотложной помощи. Личности их до сих пор не удалось установить.

И вот, чтобы помочь служителям порядка в этом нелегком деле, медики взяли у обоих раненых кровь на анализ ДНК. Недавно анализ был готов.

Каково же было удивление врачей (граничащее с шоком!), когда они обнаружили (как сообщили нам достоверные источники из Института скорой и неотложной помощи), что ДНК обоих мужчин... полностью совпадают!

Такого совпадения, утверждают специалисты, не бывает даже у однояйцевых близнецов!

Пока медики и представители правоохранительных органов ломают голову над этой загадкой, кровь обоих пострадавших направлена на анализ вторично. Впрочем, злые языки поговаривают, что в лаборатории вполне могли перепутать пробирки с анализами и взять две пробы у одного и того же из находящихся в коме мужчин...

Мы будем следить за развитием событий, приобретших еще более таинственный оборот.

Газета «Молодежные Вести»

7 июля 2006 года

ЖИВОЙ ТРУП СБЕЖАЛ ИЗ РЕАНИМАЦИИ

Автор – Кира Раенко

Наша газета уже дважды писала о таинственной то ли перестрелке, то ли коллективном самоубийстве, произошедшем в «день дьявола» – 6 июня нынешнего года в квартире на улице Красных Партизан. (См. №№ от 22 и 29 июня с. г.). В результате случившегося в реанимации Института скорой и неотложной помощи оказались двое мужчин средних лет. Оба они находились в коме, и никто, вплоть до вчерашнего дня, не мог установить их личность.

А вчера случилось невероятное.

Утром, в половине шестого, дежурная медсестра заглянула в реанимационную палату, где в бессознательном состоянии пребывал один из мужчин – и... И не обнаружила его! Человек исчез бесследно!

Медсестра немедленно подняла тревогу. Сама она уверяет, что никто не мог войти в палату и выкрасть почти безжизненное тело. Охрана госпиталя также подтвердила, что никто из посторонних в отделение реанимации той ночью не проходил. К тому же сие почти невозможно: отделение расположено за стальной дверью с кодовым замком, шифр которого известен лишь узкому кругу сотрудников.

Итак, украсть безжизненное тело чрезвычайно трудно. Возникла другая версия, столь же невероятная, как первая, – в духе тарантиновского фильма «Убить Билла»: мужчина вдруг сумел «выздороветь» настолько, что самостоятельно покинул ночью не только отделение реанимации, но и Институт скорой помощи. Однако как ему удалось это сделать? Мужчина был совершенно голым, его жизнедеятельность поддерживал аппарат «искусственные легкие» и капельницы. Трудно представить, что человек в таком состоянии и «обмундировании» сумел незаметно сбежать из госпиталя. Тем более что ни дежурный врач, ни медсестра, ни внешняя охрана ничего подозрительного не заметили.

По делу об исчезновении «живого трупа» началось следствие. Согласно нашим источникам, руководство Института скорой и неотложной помощи находится в полной растерянности. От любых комментариев руководители больницы категорически отказываются.

Мы будем внимательно следить за развитием событий.

Пару лет назад

Давно Лиля не спала так глубоко и крепко. И не просыпалась с ощущением полного счастья.

Комната была вся залита солнечным светом. Вчера ночью они забыли задернуть гардины.

Максим дрых на животе, уткнувшись лицом в подушку. Он даже не пошевелился, когда она выскользнула из-под одеяла.

Лилия с удовольствием посмотрела на его красивые (и такие незащищенные сейчас) руки, обхватившие подушку, на его мускулистую спину. На спине юноши отчетливо виднелись четыре параллельные шрамы.

Этой ночью она не считала нужным сдерживать эмоции.

А если у него есть другая – что ж, Лилия Станиславовна неплохо пометила *свою* территорию.

Она сладко потянулась, потом накинула на голое тело рубашку Максима. На его вещах появится еще одна метка – ее запах.

Лилия прошлась по квартире новоявленного любовника. Она была здесь впервые и вечером так и не успела рассмотреть его жилище. Лилия верила, что обиталище способно поведать о человеке гораздо больше, чем рассказывает о себе он сам. И даже больше, чем его одежда вкупе с машиной – и всеми прочими аксессуарами, что он выставляет напоказ.

По убранству стандартной двушки стало ясно, что бедный юноша изо всех сил старается, чтобы жилье у него было *как у людей*. В квартире недавно сделали ремонт. Нечего сказать – с определенным вкусом. В гостиной – громадный плазменный телевизор. Пять неплохих колонок и стойки с CD– и DVD– дисками. Мягкая мебель и журнальный столик из «ИКЕА».

И – ни единой книжки.

Бедный мальчик, он живет явно не по средствам. Квартира – он рассказывал вчера – досталась ему в наследство от деда. Но ремонт и техника, наверно, сожрали его зарплату на три года вперед. Несчастный оператор.

Нет, подумала Лилия, в открытую деньгами она ему, конечно, помогать не будет. За деньги можно купить настоящего профессионала – такого, как массажист Али в гостинице в Тунисе или официант Оливейра на кубинском Варадеро. Но *те* – совсем другое... И Максим никакой не профессионал, он старательный, умелый, но – *любитель*. Любитель, простите за дешевый каламбур, любящий ее. Или, во всяком случае, желающий. И это восхитительно – когда двадцатилетний юноша хочет ее. Значит, не напрасны бесконечные шейпинги, тренажеры, строжайшие диеты; не зря как минимум раз в месяц она оставляет дикие деньги в косметологической клинике. Правду говорят: женщине столько лет, сколько лет ее любовнику. Вот и сейчас она чувствует себя не на свои... Ой, не будем лишний раз, даже про себя, произносить, сколько – столь страшно и сурово звучат эти цифры... Нет, главное, *что* она чувствует – а чувствует она себя так, словно ей, как и Макс, немногим за двадцать.

Лилия вернулась в спальню. Максим спал, даже не изменив позы, лицом в подушку. Умаялся. Он был настолько счастлив, что вчера наконец добился ее. Он так старался, чтобы ей было хорошо, и она была благодарна ему – скорее, за его усилия, а не за результат.

Лилия прошла на кухню. Красивая плитка под ногами не холодила, а, напротив, ласкала босые пятки: ну да, мальчик вчера хвастался, что полы у него в квартире с подогревом.

На кухне вентиляционный короб выложен разноцветной мозаикой а-ля Гауди. В подобном стиле испанского модернизма решен и светильник над обеденным столом. А окружает стол ярко-красный диван с мягчайшими подушками – на нем удобно есть, усевшись по-турецки, взяв тарелку на колени – что она вчера и делала.

На столике – недопитая бутылка красного вина. Вчера вечером Макс не дождался окончания ужина, накинудся на нее прямо на этом диванчике, и это тоже было приятно. Ох, юность, сколь же ты наивна, бодр, нетерпелива и необразованна!..

Вчера, например, выяснилось, что мальчик совсем не разбирается в винах (все норовил «Массандру» купить!), поэтому в супермаркете ей пришлось взять выбор напитка на себя. Кажется, удалось: красное испанское из Риохи, урожая две тысячи первого года, оказалось в меру терпким, бодрящим и ароматным.

Зато готовить ужин Максим стал самолично. Категорически запретил ей вмешиваться. Бедный юноша, он так для нее старался. И ему так шел фартук. Ну что ж, салат из морепродуктов мальчику удался. А до телятины, фаршированной корейкой, они вечером добраться не успели.

По многолетней привычке она заварила себе кофе. День предстоит долгий. Обычный рабочий день, и привычные ожидаются хлопоты: обсуждение нового проекта с креативщиками, переговоры с руководством второго канала, потом деловой ланч с испанскими продюсерами, разбор полетов с редакторской группой – но на душе... На душе все равно – пронзительное предощущение счастья.

Когда-то, лет тридцать назад, когда она была девочкой, это ощущение посещало ее едва ли не каждодневно. Особенно летом, в каникулы.

Лиля всякое утро просыпалась с предчувствием необыкновенных радостных открытий – и они не заставляли себя ждать. И днем, что следовал после многообещающего пробуждения, она находила земляничную поляну. Или обучалась прыгать рыбкай с пристани в реку. Или пугала в подвале скелетом девчонок (то-то визгу было!). Или читала книжку про капитана Блада и его возлюбленную Арабеллу Бишоп.

А однажды на мостках над озером какой-то ужасно взрослый парень – наверное, даже шестнадцатилетний! – мимоходом взял ее за плечи и отодвинул в сторону, чтобы пройти. Она на всю жизнь запомнила, какое тогда вдруг испытала от прикосновения его сильных рук чувство – незнакомое, знобкое, восхитительное... Первый, можно сказать, сексуальный опыт – хотя тогда, летом – страшно вспомнить! – семидесятого года она еще даже не ведала, как *это* называется.

Лиля взяла из сумочки косметичку и вместе с недопитой чашечкой кофе пошла в душ. В ванной у Макса – безукоризненная чистота, сверкают фарфор и краны, ждут совершенно свежие полотенца, и даже пузырьки с шампунями-гелями расставлены по ранжиру. И главное – никаких признаков посторонней женщины.

«Спасибо тебе, Максим, что заботаешься обо мне. Спасибо, что своей любовью ты снова вернул меня в детство. И если ты будешь вести себя правильно, без ненужной фанаберии, без лжи, а также лишних растрат своих эмоций на глупых ровесниц, я, конечно же, стану помогать тебе. Я сделаю для твоей карьеры все, что в моих силах. Потому что я совсем не неблагодарная свинка, коей меня многие пытаются представить... И еще: я хочу по-настоящему досадить ему, В.В., своему мужу, который слишком уж много внимания, сил и денег уделяет девчонкам – ровесницам Максима...»

Но я тебя победила, В.В.! Я тебя – сделала! Потому что совершенно просто сорока с небольшимлетнему богатому мужику добиться успеха у двадцатилетней девчонки. И совсем другое – когда его ровеснице-супруге удастся соблазнить красивого, юного, неглупого парня».

Через полчаса она вошла в спальню совсем другой: уложенной, накрашенной, надушенной, одетой. Макс теперь спал на спине, и он открыл один глаз при ее появлении. Лиля присела на кровать и запечатлела на его щеке сестринский поцелуй. Юноша открыл глаза и сразу же попытался схватить ее, сжать в объятиях, притянуть к себе. Она вскочила.

– Нет-нет, – сказала со смехом, – все было прекрасно, но мне пора бежать. Смотри, чтоб на планерке был как штык. С замком твоим я разберусь, дверь захлопну.

– Подожди!

Он вскочил, здоровенный, голый, красивый, как молодой бог – и опять желающий ее. Нагнал у двери. Она уклонилась от его объятий.

– Пока-пока!

– Слушай, Лиля! Я забыл тебе сказать одну вещь! Страшно важную!

– Ну?

Она уже открыла дверь.

– Мне кажется, что я люблю тебя.

– Это приятно. И мне было очень хорошо с тобой, малыш.

Ее каблучки зацокали по лестнице – изгаженной лестнице окраинного подъезда. В подобных парадных она не бывала уже, кажется, сто лет.

А потом она вырвалась на волю – ярко светило солнце, и деревья шумели под ветром своей молодой зеленью, и пейзаж начала лета примирял даже с мусорными баками и серыми коробками домов.

Теперь бы вспомнить, где находится платная автостоянка, куда они вечером с Максом поставили ее машину.

* * *

Удивительно, но Валерка в тот день тоже проснулся с радостным чувством. Хотя ровно никаких оснований для счастья не было.

Пробудился он на привычном топчане в каптерке. Спал, как всегда на вахте, в одежде. Чего уж тут хорошего?

Но, может, это многообещающее солнце, заливающее каморку, и безумствующие птицы настраивали на радостный лад?

Он вскочил с топчана и с высоты каптерки оглядел вверенную ему автостоянку. И длинные ряды чистых, блестящих на солнце автомобилей (в основном иностранного производства) тоже внушали оптимизм. Или, как говорит его дочка, позитив.

Валерка взглянул на часы: семь. Уже начался ежеутренний разъезд клиентов, а вскоре, в восемь, у него с Василичем конец смены. Сменщики придут в семь сорок пять. Надо будет передать им дела. Главным образом сообщить: сколько чужих, непостоянных тачек они припарковали вчера, сколько каждый из водителей заплатил и в котором часу обещал забрать свой лимузин.

А пока можно сполоснуться под жестяным рукомойником и попить кофейку.

Он выглянул из окна будки и прокричал Василичу, который тихо дремал в тенике на своем стуле у шлагбаума:

– Подъем, Василич! Бум кофе пить!

Кофе они с Василичем выползли пить на солнышко. Дневное светило припекало уже не по-весеннему, а по-летнему, обещаая жаркий день.

Василичу сегодня выпала «собачья вахта» – с четырех утра до восьми. От этого он имел лицо жертвенное и кофе прихлебывал с обиженным выражением. Вспросил снисходительно:

– Ну, отоспался, Артист?

На стоянке мужики называли Валеру «Артистом» – оттого, что он имел глупость рассказать им, что в студенческие годы выступал в агитбригаде. Весь Союз с ней объездил. И даже принимал участие в концерте на сцене КДС – Кремлевского Дворца съездов – под сонными очами всего Политбюро и лично товарища Брежнева. Проклятая откровенность за банкой пива стоила ему ехидного прозвища.

«Артист! Эй, Артист! Поставь „фолькс“ на место двадцать три! „Тойоты“ три дня не будет!..»

Что поделывать: Артист и Артист. Возможно, это лучше, чем Василич, который на деле никакой не Васильевич. Просто немолодой уже мужик имел привычку постоянно ссылаться на тестя, коего он безмерно уважал и звал Василичем: Василич то, да Василич се, да Василич считает, да мы с Василичем...

Нынче мужик с женой развелся, с тестем по отчеству Васильевич больше не встречается. А глупое прозвище – прилипло.

Подходили заспанные утренние клиенты. И Василич, и Артист здоровались с ними со всею вежливостью. На стоянке почти ведь одни иномарки держат. Из русских машин – только новенькие «десятки» и «калины». Те, у кого машины попроще, паркуют их во дворах. «Копейки» и «шестерки» теперь не раздевают, как во времена Валеркиной молодости. И не часто крадут. Да и нет обычно денег у хозяев «копеек», чтобы оплачивать стоянку. Две штуки в месяц – взнос нешуточный. За квартиру платят и то пока меньше. Поэтому клиенты на стоянке – одни крутые, да крутоватые, да те, кто таковым хочет казаться.

Поэтому Василич с Валеркой перед ними хоть и не лебезили, однако вежливыми были. А те – кто руку пожимал, кто буркал спросонья, кто кивал снисходительно. Некоторые и вовсе рожу отворачивали – обслуживающий персонал в упор не замечали.

Вот Аллочка прошла – девчушка, худенькая как тростинка, ключицы из-под майки торчат. Поздоровалась вежливо – хотя в первые дни пребывания на стоянке рожицу-то воротила. Но после того как Василич с Артистом ее тачку собственноручно десяток раз парковали, она прониклась к ним, рабам авто, снисходительным уважением. Аллочка училась в МГИМО, и папочка ей на восемнадцатилетие подарил (ни много ни мало) «Ауди А4». Машину за тридцать пять тысяч долларов дочке на день рождения – это, пожалуй, слишком.

Валерка бы понял еще – если «Гетц». Или, допустим, «Пежо-206». Впрочем, сам он своей дочурке на совершеннолетие фирменные кроссовки подарил. Большого не мог себе позволить.

«Совсем люди стыд потеряли...» – проворчал вслед Аллочке Василич. Валера понял направление его мыслей. Ведь папочка Аллочки на таможне работает – казенный, значит, государев человек. Но богатство свое выставляет напоказ и ничего не боится: ни милиции, ни налоговой полиции, ни службы внутренней безопасности.

«Ах, хорошо бы, чтоб папашку Аллочкиного упекли, нахапанное конфисковали – и Аллочка, зареванная, станет возить папе в Матросскую Тишину передачи – на автобусике, на автобусике!»

Валерке очень сладкой показалась вдруг эта картина, и он насильно оборвал себя, выкинул из головы злорадно-завистливое мечтание. «Прости нам долги наши...» – мысленно произнес он, адресуясь к Тому, Кто, возможно, Есть. И вслух философски добавил, обращаясь к Василичу: «Да бог им всем судья...»

А там и сменщики подошли. Сутки кончались.

Быстренько передали дела, и Василич с Артистом пошли в каптерку переодеваться. Облачились в цивильное, поручкались на прощание со сменщиками.

Теперь ему предстояло вернуться домой на автобусе – семь остановок, зато без пересадок. Позавтракать, а там и собираться на основную работу. В двенадцать он договорился сегодня выйти в свою родную проклятую «Пусконаладку». А что делать, приходится шабашить в двух местах, дочурке образование оплачивать – вуз-то нынче дорог.

И тут изнутри парковки к проходной подкатил сияющий серебристыми боками «Лексус» – из числа непостоянных посетителей стоянки. Валерка его впервые видел – а память на машины у него была знатная. Видимо, Василич парковал тачку ночью и без него.

«Лексус» тормознул подле четверых охранников – двоих заступающих, уже в спецовках, и двоих уходящих, в гражданке. Тонированное стекло опустилось. Из окна выглянула очень стильная дамочка в дорогих солнечных очках.

Валерке почудилось в ней что-то знакомое. Эти иссиня-черные волосы... Длинные тонкие пальцы, лежащие на руле...

С минуту дама за рулем молча обозревала охранников. Валера даже испугался: а не случилось ли чего за ночь с ее тачилой, и она теперь начинает, эдакими молчаливыми косяками, психологическую на них атаку. Но – нет. Она улыбнулась, а потом сдернула с носа очки и посмотрела ему прямо в глаза.

Внутри у него аж все перевернулось, настолько эта незнакомка была похожа на *нее*. Тот же необычный, чуть монгольский разрез черных глаз, тот же румянец на бархатной коже, та же шалая полуулыбка на полных губах... Но эта дама не может быть *ею*! *Та* была его ровесницей, даже чуть старше – значит, сейчас ей... страшно подумать... А водительнице «Лексуса» лет двадцать семь, от силы двадцать девять. Неужели дочка? Но откуда *ее* дочка может знать его? Или младшая сестра? Но не было *у нее* никакой младшей сестры!..

Валерий стоял остоленев, и вихрь воспоминаний и предположений пронесся в его голове, пока дамочка вдруг не спросила столь знакомым, бесконечно милым голосом с легким хриловатым хохотком в конце фразы:

– Что, не узнал?

– Это ты??!

Его удивление было безмерно.

– А что, так постарела? – лукаво спросила она.

– Нет... – смешавшись, пробормотал он. – Наоборот... Я понять не мог...

– А ну, полезай в машину! – скомандовала она – как частенько командовала им в ту пору, когда они были вместе.

Теперь мужики-коллеги остолбенели: что может быть общего у такой фифы с нашим Артистом?!

А тот послушно обогнул капот, открыл дверцу дорогущего лимузина и неловко влез на переднее пассажирское сиденье.

На прощание она сделала стоянщикам ручкой. Медленно поползло вверх тонированное стекло, отделяя Артиста с кралей от всего окружающего мира. Лимузин сорвался с места и вырулил на улицу.

* * *

Охрана четко знала порядок. Он был настолько отработан за последние пять лет, что работали ребята автоматически как по маслу и почти незаметно постороннему праздному взгляду.

Бронированный «Мерседес» щегольски подъезжал к самым дверям офиса – задние дверцы лимузина оказывались ровно напротив входа.

Один охранник выпрыгивал из джипа сопровождения и нырял в офисный подъезд. Вбежал на второй этаж до кабинета. Проверял путь. Сотрудники и посетители старались не оказываться в тот момент на дороге босса.

Затем охранник, прошедший в кабинет, докладывал по рации: все чисто.

Тогда двое других секьюрити занимали места по обеим сторонам между бронемобилем и подъездом, образуя живой коридор.

Первый из них распахивал перед хозяином дверцу машины. В.В. выскакивал из авто и делал три шага по открытому пространству к спасительному подъезду.

Охрану пришлось усилить и пересест в бронемобиль, когда пять лет назад В.В. занялся недружественными поглощениями. С тех пор на него организовали два покушения.

Первое люди из безопасности пресекли еще на стадии подготовки. Второе было не слишком организованным, стрелял одиночка, непрофессионал, его взяли... Однако, надо сказать, цоканье пуль по капоту твоего автомобиля – удовольствие не из приятных. Пусть даже лимузин бронированный.

А все началось, когда он занялся расширением своей деловой империи... Да нет, не империи, какая там империя!.. Небольшого, карликового, можно сказать, бизнес-королевства. Когда принялся скупать разорившиеся, оставшиеся без руля и без ветрил заводишки, совхозы, стройки... Когда начал агрессивную игру слияния и поглощения...

Слияния. Поглощения... Шествуя по коридору собственного офиса, В.В. впервые задумался, сколь сексуально звучат эти экономические термины.

Слияние – видимо, союз равноправных партнеров. Когда все по любви. Когда-то – давным-давно! – и не сразу, а года через три после свадьбы, у них с Лилей имело место *слияние*.

А в последнее время у него чаще случались поглощения. Когда он брал новенькую девчушку лет восемнадцати, и за толику ласки, подкрепленную обещаниями и/или дензнаками, она стелилась перед ним так, как он хотел.

А что тогда на языке любви означает *недружественное слияние*? Наверное, изнасилование. Причем, как пишут в милицейских протоколах, в особо циничной форме, а также с применением словесных угроз, а то и физического воздействия.

Ничего странного, что именно сегодня в голову В.В. полезли сексуальные ассоциации.

Лилька опять не ночевала дома.

Наверняка не было жены и в ее московской квартире. Он мог бы позвонить и узнать точно, но не хотел унижаться. В конце концов, она запросто могла ночевать там – но не в одиночестве.

В.В. скрипнул зубами. Вот шлюха! Как же она ему отплачивает!

Как же она мстит ему за бесконечную череду его девиц!

Ну, да, девчушки. Были они у него. Были, есть и будут. Но они ведь для него ничего не значат! Он берет их просто для поднятия тонуса и статуса, для увеличения количества гормонов радости в крови.

А Лилька-то не девка. Она – это она. Она для него многое *значит*. И она это знает. И оттого, наверное, выбрала такой изощренный способ мести.

Может быть, ее пора убрать?

– Что вы сказали?

Он и не заметил, что сидит за своим столом в кабинете, а перед ним – его секретарша (естественно, В.В. с ней спал – а как же иначе, все вокруг спят с собственными секретаршами. Ну и что с того, спрашивается?)

Да, хорош же он! Даже не заметил, как последнюю мысль произнес вслух:

– Может, ее пора убрать?

Ну, ничего страшного, что у него эта фраза вырвалась при секретутке. Неплохо получилось. Пусть теперь гадают, кого (или что) босс имел в виду. Может, он Валентину хочет уволить, финансового директора. Или выгнать из Мосгордумы прикормленную депутатшу Пастилкову. Или ему просто инсталляция в виде кактусов и мини-ветряных мельниц, возвышавшаяся в углу кабинета, надоела?

– Нет-нет, – отмахнулся В.В. – Это я о своем. Не бери в голову. Знаешь, найди мне Пылова.

– Простите, кого?

– Подполковника Пылова – ты что, не помнишь? Он сейчас в отставке, но тем лучше.

Старый друг Пылов уже три года как ушел из органов и стал подвизаться на поприще частного сыска.

Рад переменам в своей жизни – до безобразия. Свободы, говорит, больше; бумажной волокиты и не сравнить, насколько меньше. К тому же – никакого начальства и денег полно в сравнении с ментовской зарплатой.

Разумеется, В.В. мог поручить взять в разработку Лилию и своему департаменту безопасности. И они, пожалуй, выполнили бы задание быстрее и эффективней, чем какой-то там частный детектив, пусть в недавнем прошлом и подполковник МВД. Однако сие было неприлично для его статуса. Подобным заданием В.В. себя подставлял и обезоруживал в глазах подчиненных. Босс, поручающий охране следить за собственной женой – есть в этом что-то смешное и даже жалкое. Похожее на скверный анекдот. Пожалуй, весть о такой слежке может разнестись – и над ним смеяться начнут. А руководитель, за спиной которого начинают хихикать, кончается.

Нет уж, пусть щекотливое поручение выполнит человек со стороны. Тем паче такой, не раз проверенный, как Пылов.

К тому же... Неизвестно, какое решение он, В.В., примет по результатам разработки. Может, и в самом деле – убрать ее? Не она первая... Нет человека – нет проблемы, как говаривал усатый вождь, желтоглазый людоед... А что остается делать, если его собственная ревность становится для В.В. проблемой?.. Если поведение родной жены может серьезно скомпрометировать его в глазах друзей и деловых партнеров?.. Что ему, к психоаналитику прикажете идти? Почему бы лучше не избавиться, раз и навсегда, от первоисточника дискомфорта?

Есть и другие варианты. Например, напугать ее с применением физического воздействия – но так, чтобы она больше в сторону чужих мужчин даже смотреть не смела. Даже на кривого бомжа.

Или – искалечить. Усадить, на фиг, в инвалидную коляску. Кому она тогда будет нужна?

Но это уже совсем другая задача. И, если он даст отмашку, решать ее должны будут *другие специалисты*, а отнюдь не люди из департамента безопасности. И уж, конечно, не Пылов.

Однако *другие специалисты* среди знакомых В.В. тоже, конечно, имелись.

* * *

– Фантастика! Ты?! Я никогда бы не узнал! – все восторгался Валерка, не отрываясь глядя на нее с кожаного сиденья «Лексуса». – Да ты ровесницей моей дочки выглядишь, честное слово!

– А сколько твоей дочери?

– Ох, она совсем невеста. Ей двадцать с небольшим.

Чего греха таить, его восхищение было Лиле приятно.

А ведь Валерка выглядел не моложе, а пожалуй, старше своих сорока с хвостиком лет. Жизнь не пощадила его. В ней уж наверняка не находилось места ни стилистам, ни парикмахерам, ни маникюршам.

Ведя «Лексус», Лилия украдкой рассматривала его.

Джинсики не первой свежести, потертые кроссовочки, залысины, морщины.

Однако глаза – все те же. Молодые, веселые, умные. И, как прежде, смотрят на нее с восхищением.

А ведь он ее, возможно, до сих пор любит, мелькнула мысль.

Валерка – ах, Валерка... Он, пожалуй, был единственным мужчиной, которого она по-настоящему любила. Ох, как же она его тогда любила!..

– Ты женат? – мимоходом спросила она.

– Уже нет. А ты?

– Я – да.

– Все за ним?

– Да уж, – вздохнула она.

– Ты счастлива? – вдруг выпалил он.

Она делано рассмеялась.

– Хорошенький вопрос!..

– Значит, нет.

– С чего ты взял?

– Когда человек действительно счастлив, он не колеблясь отвечает «да».

– Ты все такой же... – покачала она головой.

– Какой?

– Философ.

– И ты все такая же.

Он прямо-таки ел ее глазами.

– Какая?

– Красивая. Соблазнительная.

– Куда тебя подвезти? – спросила она, стремительно меняя направление разговора.

– Мне здесь недалеко. Можешь остановить на любой автобусной остановке, я выйду.

– А где ты живешь?

– На улице Красных Партизан. Отсюда километра три в сторону центра.

– Значит, мне по пути. Я подвезу тебя до дома.

– Может, зайдешь выпить кофе?

– Тогда ты таким не был, – покачала она головой.

– Каким?

– Прытким.

– А что ты потеряла в нашем забытом богом районе?

– Ты что, хочешь узнать, с кем я провела ночь?

– Н-ну... В общем, да.

– А ты знаешь, что подобные вопросы задавать неприлично? Тем более замужним женщинам.

– Пусть неприлично.

– Ох... Я ночевала у подружки, – соврала она.

Он пожал плечами, вроде бы не удовлетворившись ее объяснением, однако не посмел дальше расспрашивать.

– А у тебя дети есть? – поинтересовался он.

– У меня – нет.

– Жаль. Ты много потеряла.

– Какие наши годы, – грустно усмехнулась она.

– А со мной у тебя *уже* было бы трое детей. Как минимум.

– Ты все такой же, как прежде, – вздохнула она.

– Какой?

– Хвастун. Врун, хвастун, болтун.

– Если ко мне домой, то на следующем перекрестке направо.

– Хорошо.

– Ты давно водишь машину?

– Лет пятнадцать. А ты?

– И я примерно столько же. Только у меня тачка чуть похуже, чем твоя.

– Какая, если не секрет?

– Хочешь узнать, насколько ниже тебя я стою на социальной лестнице? У меня шестера. «Жигули». Можешь, Лилечка, сделать вывод, что ступеней меж нами пролегло много.

– Какое это имеет значение, – мило улыбнулась она, хотя это имело значение, и еще какое.

И тут странная мысль пришла ей в голову... Точнее, она смутно не давала ей покоя с той минуты, как она посадила его в свою машину. И вот теперь выкристаллизовалась и облеклась в точно сформулированную идею... А что, если она – с ним?.. Вот это будет мсть!.. Вот тогда В.В., как узнает – а он обязательно всегда все узнает – точно от ревности с ума сойдет... Это вам не какой-нибудь мальчишка-оператор Макс... Вот это будет изощренно!.. Ядовитый кинжал, устремленный В.В. точно в сердце!..

Но, разумеется, не сейчас... Пока мужик совершенно не готов на роль героя-любовника... Для начала над ее неожиданным пассажиром надо поработать... Одеть – причесать – откормить... Ну, это ерунда, делается на раз... Главное – другое. Чтобы быть достойным ее и чтобы В.В. стало по-настоящему больно, следует прежде всего, чтобы Валерка вновь добился успеха... Чтобы его лицо оказалось на виду, а имя на слуху... И вот тогда...

Что ж, идея хорошая... Тем более что делать человека успешным – ее профессия...

– Что? – переспросила она.

Он о чем-то осведомлялся, а она, увлеченная рулежкой и своими мыслями, прослушала.

– Кем ты работаешь, спрашиваю?

Она лукаво глянула на пассажира.

– А с чего ты взял, что я работаю? Может, я просто жена богатого мужа? А ведь В.В. богат, ты знаешь.

Он серьезно покачал головой.

– Ты не такая.

– А какая?

– *Просто жены* богатых мужей – кислые и вялые. А ты – бодрая и деятельная. И собранная. И красивая.

Она рассмеялась.

– Спасибо на добром слове. Ты – прав. Я и в самом деле работаю.

– Кем же?

- Я – продюсер. Точнее, генеральный продюсер.
- О-о! В кино?
- В его глазах, впервые за все время разговора, мелькнул огонек зависти.
- Она покачала головой.
- На телевидении. Хотя и в кино – тоже. И немного в театре и на эстраде.
- И что ты снимаешь? «Фабрику звезд»? Или шоу Степаненко и Петросяна?
- Ну, зачем же меня обижать?.. Помнишь, как ты говорил – артиста обидеть всякий может?
- Говорил, – кивнул он. – Да только продюсер не артист.
- Думаешь? – усмехнулась она.
- Ага.
- Продюсер стоит на сто ступенек выше, чем артист. Артисты в моей приемной часами сидят, если мне надо.
- Она почувствовала себя отчасти уязвленной.
- Именно продюсер решает, *кто* у него будет артистом. Кто – оператором, кто – сценаристом, кто – режиссером. А кто – выйдет в звезды.
- Да ты, я гляжу, птица высокого полета.
- Она усмехнулась.
- Еще бы.
- И все-таки, какие передачи ты делаешь?
- Например, «Три шага до миллиона». Слышал о такой?
- Да уж, слышал...
- Ну, еще бы не слышать! Лидер рейтингов в последнем сезоне!
- Стоп! Вот он, мой подъезд!
- Она тормознула. Дом, в котором он жил, был типичной унылой окраинной коробкой: серая девятиэтажка с маленькими окнами и низкими потолками. Ужас.
- Хочешь, я тебя на свою передачу приглашу?
- А что я там буду делать?
- Выигрывать миллион.
- Он, честняга, прищурился.
- Значит, ты сама решаешь, кто там у вас выиграет?
- Нет, – покачала она головой. – У нас игра честная. Просто я вижу, что ты можешь выиграть.
- Так-таки и могу?
- Да. Потенциал у тебя хороший. Ты эрудирован, артистичен, собран, с очень хорошей реакцией... Но я, конечно, гарантий не даю. Можешь и не выиграть – если дурака на съемке будешь валять...
- Я подумаю над вашим щедрым предложением, сеньора.
- Ты посмотри на него! Смоктуновский! Меньшиков! Он, видишь ли, подумает!.. Вот тебе моя визитка. Здесь телефон – прямой, мобильный. Звони в любое время. Я скажу тебе, когда съемка.
- По его глазам она поняла: нет, не позвонит. Гордый.
- Дурак. Лопух. Лох.
- Дай мне свой номер, – попросила она.
- Что, сама будешь звонить?
- А почему нет?
- Пожалуйста. Запиши.
- Я запомню.
- У меня мобильных нет. Только домашний. 388-... —... Да ты все равно забудешь.

– Я никогда ничего не забываю.

Он грустно усмехнулся.

– Меня ж вот забыла.

– Ты думаешь? – спросила она настолько серьезно и проникновенно, что у него вдруг защемило сердце.

И ему показалось, что они вот-вот поцелуются, как бывало тысячи раз.

Но этого, конечно, не случилось.

Наши дни

В кабинете заведующего реанимационным отделением Института скорой и неотложной помощи Лилию ждали сразу три человека. Одного она знала: заведующий отделением Павел Петрович Бычков, доктор медицинских наук. Двое других были ей незнакомы: моложавый красавец лет тридцати пяти и мощная девушка с румянцем во всю щеку и двумя несерьезными косичками.

Завотделением, что было для него нехарактерно, встал при появлении Лили. Поднялись со своих посетительских мест и двое незнакомцев.

– Вот тут товарищи, – промолвил Бычков, глядя в сторону, – желают с вами поговорить, уважаемая Лилия, э-э... – Стало очевидно, что он забыл Лилино отчество. – И поэтому я вас оставляю на... полчаса вам хватит? – обратился он к красавцу.

Тот кивнул.

– Значит, на полчаса... Располагайтесь.

И завотделением, словно ошпаренный, выскочил из своего же собственного кабинета.

– Разрешите представиться, – сказал сухощавый красавец, – я подполковник Петренко.

И он сунул под нос Лилии красные «корочки». Глаз выхватил: «Федеральная Служба Безопасности... Петренко... подполковник...»

– А это, – кивнул полковник в сторону мощной девахи, – старший лейтенант Варвара Кононова. Присаживайтесь.

– Что с Володей? – с ходу, еще не успев усесться, выпалила Лилия.

Подполковник переглянулся с девушкой-тяжеловесом.

– Мы хотели у вас спросить, – ответил он.

– У меня?! Что я-то могу знать?!

– Когда вы видели своего мужа последний раз?

– Я? А какое это имеет значение?

– И все-таки?

Подполковник задавал вопросы участливо, но деваха, сидевшая с ним рядом, прямо-таки буравила Лилию тяжелым взглядом. Лилия решила: лучше не препираться, а отвечать.

– Ну... В тот самый день...

– Где? При каких обстоятельствах? – неожиданно вклинилась девица.

Голос у нее оказался на удивление тонким для столь мощного тела.

– При каких таких обстоятельствах?.. – усмехнулась Лилия. – Утром. В нашем загородном доме. Мы вместе завтракали. Собирались на работу.

– Он рассказывал вам о своих планах?

– Нет.

– Он говорил вам, что собирается в тот день посетить вашего друга Валерия Беклемишева?

– Нет.

– Вы знали, что ему известно, что вы встречаетесь с Беклемишевым?

Все три вопроса подряд, словно из пулемета, задала деваха-Геркулес.

– Нет!.. – Столь же быстро отвечала Лилия. – И все-таки: что с ним случилось? Что случилось с моим мужем? Почему *вы* – я имею в виду, *ваша* организация – занимается его исчезновением? Почему не милиция? Что он натворил?

– Я буду с вами откровенен, – вздохнул подполковник и сочувственно глянул на Лилию.

Очевидно, в связке с девицей-тяжелоатлетом он решил играть роль хорошего следователя.

– Мы не знаем, что с ним произошло. И каким образом он исчез из больницы. И почему. Мы вообще очень мало что знаем. И хотим знать больше.

– Прежде всего о личности вашего мужа, Владимира Васильевича Дроздецкого, – вклинилась дородная девушка.

– И вашего друга, Валерия Беклемишева, – добавил сухощавый подполковник.

– Что вы хотите о них узнать?

– Все с самого начала.

Гости не рассказали Лиле – да и не имели никакого права, – что удостоверения ФСБ являются для них лишь прикрытием. И на самом деле они оба служат в глубоко засекреченной *комиссии* – организации с чрезвычайными полномочиями, главной задачей которой является выявление, объяснение и противодействие всему таинственному и загадочному, происходящему в нашей жизни, всем тем явлениям, что не могут быть истолкованы с материалистических позиций и среди обывателей называются *чудом*.

Подполковник Петренко возглавлял в комиссии отдел «О» – оперативный. Варвара Кононова, выпускница МГУ, пришла в комиссию три года назад, после дела о загадочных смертях в районе курортного поселка Абrikосовка, когда ее использовали втемную. Многие в отделе были против первой девушки-оперативника. Однако, когда та успешно расследовала загадочные явления, происходившие вокруг молодого писателя Данилова, и раскрыла убийство на базе российской сборной по футболу, Варю стали считать одной из самых перспективных сотрудников¹.

Сейчас Варя радовалась и гордилась тем, что ей предстоит работать в паре с самим Петренко, и была готова, что называется, рыть землю носом.

– Например, расскажите, – повторила она, впереясы в глаза Лиле, – как и когда вы познакомились.

– Я познакомилась, – начала Лиля, – с ними обоими одновременно. Случилось это страшно давно, еще в советские времена. В тот день в жизни Володи и Валерия произошло еще одно событие, которое предопределило нашу встречу. Думаю, не случись оно, мы бы, наверно, так никогда и не встретились...

¹ О работе Петренко и Кононовой и деятельности *комиссии* Анна и Сергей Литвиновы написали четыре романа: «Звезды падают вверх», «Пока ангелы спят», «Прогулки по краю пропасти» и «Трансфер на небо».

1979 год: кинотеатр «Зарядье»

Кинотеатр «Зарядье» – один из немногих кинозалов в Москве, которому так и не довелось стать синематографом нового, современного образца. Так и не появились в нем удобные мягкие сиденья, подлокотники с подставками для пива и попкорна, улыбочивые девочки-мальчики в роли контролеров: «Приятного просмотра!» И никогда ему уже не зажить новой жизнью, потому что в две тысяча пятом, заодно с гостиницей «Россия», один из самых престижных залов советских времен стали сносить.

История «Зарядья» была своего рода аллегорией судьбы человека, который не сумел вписаться в новую российскую эпоху. Он не переменялся, остался прежним – в костюмчике от «Большевички» и с портфелем из кожзаменителя, а потом и умер. Ушел из жизни, чтобы освободить ровную пустую площадку в расчете на то, что на ней вырастет нечто новое: молодое, яркое, комфортное.

В этот кинотеатр, нисколько не догадываясь ни о своей, ни о его (кинозала) дальнейшей судьбе, вошли в апреле одна тысяча семьдесят девятого года два молодых человека. Два друга, два комсомольца, два советских студента.

Внешне эти двое парней отнюдь не были похожи. Их объединяла только молодость, однако и она выражалась в лицах и фигурах обоих юношей по-разному. Первый из них, по имени Валерий, олицетворял собой тип, воплощенный в советском кинематографе тех лет Олегом Далем, Михаилом Боярским, но, главным образом, Леонидом Филатовым – разумеется, с поправкой на то, что Валера был гораздо моложе. Доминирующей во внешности Валерия была тонкость. Хрупкие и красивые черты лица, узкая кость и длинные нервные пальцы свидетельствовали об утонченной душевной организации. Высокий лоб, живые глаза и щегольские усики (не бритые, заметим в скобках, еще ни разу в жизни) делали молодое лицо особенно похожим на портреты типичных киногероев той поры – конца 70-х.

Второй друг, по имени Володя, пожалуй, не имел в отечественном кинематографе тех лет адекватного олицетворения. Артисты его типажа оказались востребованы на центральные роли значительно позже – по крайней мере, в конце 90-х. Мощный, крепкорукый и широкоплечий, с сильными пальцами, с широким твердоскулым лицом и короткой стрижкой на большом черепе, Владимир напоминал актеров Балуюева, Сухорукова, Кравченко – да только никто в те годы и слухом не слыхивал о подобных артистах и типажах.

Несмотря на потрясающую разность во внешности (да, скажем, забегая вперед, и в характере) у Владимира и Валерия имелось чрезвычайно много общего. Начать с того, что они обучались в одной группе на одном факультете одного института – Московского ордена Ленина имени Кржижановского электротехнического (МЭТИ). Проживали они вместе в комнате общежития в студенческом городке вышеуказанного вуза. Им приходилось ютиться в общежитии, поелику оба были провинциалами, прибывшими на учебу из областных центров разной удаленности от Белокаменной: тонкокожий Валерий родом был из города Горький (впоследствии ставшего Нижним Новгородом), а увесистый Владимир – из Омска. И у того, и у другого родители (причем, и мать, и отец!) трудились на ниве советской энергетики. Династическими пристрастиями объяснялся и выбор института. Правда, о семье Володи говорить приходилось, увы, в прошедшем времени. За год до его поступления в вуз и мать, и отец погибли. Погибли по-дурацки: во время турпохода. Ходили вместе на байдарках по норовистой сибирской реке Катунь. На одном из порогов лодка перевернулась. Родителей с силой бросило на камни – ни мама, ни отец не выжили...

Володька о трагедии в своей семье никому не рассказывал. Терпеть не мог, когда его жалели. Знал о его тяжелой судьбе один только Валерка...

Смерть родителей и подтолкнула Володю пойти по их стопам в энергетику. В то время понятие «трудовая династия» или, скажем, «сын продолжает дело отца» были для людей, особенно семнадцатилетних, не пустым звуком.

В советские годы поощрялись всяческие династии. Газеты пестрели заголовками и устойчивыми идиоматическими выражениями на сию тему: «фамильная гордость», «идет династия труда, идет рабочий класс» или ее ратная династия. Совсем редко возникали вдруг репортажи о фамилиях артистических. Практически никогда не писали об инженерских или журналистских династиях. И уж совсем никому не приходило в голову оповещать широкую общественность о наследниках по артистической, режиссерской, партийной или кагэбэшной линии – а ведь в данной среде кастовость была куда прочнее и замкнутей, нежели у лесозаготовителей или литейщиков.

Немудрено, что и Валерий, и Владимир решили последовать по профессиональным стопам своих отцов и матерей. А как могло случиться иначе, если чуть ли не с младенческого возраста они слышали в семье разговоры о «реле», «ка-зэ»² или «оперативной частоте». А их родители с гораздо большей охотой (и знанием дела) помогали своим чадам решать задачки по физике и математике, нежели писать сочинение об образе Метелицы в повести А. Фадеева «Разгром» или готовить доклад о национально-освободительной борьбе народов Африки и Латинской Америки. Словом, поступление обоих парней – и Валерия, и Владимира – в Московский электротехнический институт было предопределено семейственностью (в самом хорошем смысле данного слова).

Оба без особого труда, и даже без помощи репетиторов, сдали вступительные экзамены, были зачислены – и поселены в одну комнату в общежитии, где впервые и встретились. И с первого же взгляда, с первых же слов, которыми обменялись, почувствовали друг к другу крепкую дружескую тягу.

Комнаты в общежитии МЭТИ были рассчитаны на четверых постояльцев. На этаже имелось два туалета, кухня, постирочная и комната для занятий. Душевая полагалась одна на два этажа. Горячая вода подавалась бесперебойно.

Советская жизнь вообще была до чрезвычайности коммунальной. Гражданин СССР постоянно проживал на виду и вместе с другими людьми. Начиналось все с детского сада, с горшочками в ряд и столиками в шахматном порядке; затем продолжалось в пионерских лагерях; свирепело в армии; пахло щами в коммунальной квартире; гремело в тюрьме...

Причем даже если гражданин являлся счастливым обладателем отдельной квартиры и сумел избежать детского садика, армии и тюрьмы, а в вузе учился в том городе, откуда был родом, и, значит, не проживал в общежитии – все равно коллективной жизни ему избежать было трудно. Даже дети и внуки членов Политбюро отдыхали в пионерских лагерях – привилегированных, конечно, где на завтрак подавали черную икру, а гимнастические упражнения выполнялись на персидских коврах – однако в *общих* палатах. А самые неустроенные студенты ездили на целину или на картошку – где опять-таки кровати стояли в ряд, и тумбочки, и висели опись имущества и распорядок дня...

Когда подданные находятся на виду друг у друга, за ними легче следить, их легче контролировать. Ими проще управлять. Собственно, функции наблюдения и контроля друг за другом во многом брали на себя сами подданные.

В коммунальной квартире сложно устраивать антиправительственные толковища; в казарме не слушаешь «Голос Свободы», в комнате общаги трудно сочинить памфлет или сатиру на власть.

И первый шаг к развалу социализма, думается, был сделан не тогда, когда вдруг объявили гласность. И не в тот момент, когда разрешили устраивать выборы директоров предпри-

² «Ка-зэ» – короткое замыкание.

ятий. Первый удар, приведший к краху социалистического общественного строя, Советского Союза и *лагеря* братских стран, произошел, когда партия вдруг провозгласила (в одна тысяча девятьсот восемьдесят шестом году) совершенно безумную, невыполнимую и самоубийственную цель: обеспечить к 2001 году каждую советскую семью отдельной квартирой или домом.

Впервые властители СССР объявляли, что житье гуртом ненормально. Впервые они ставили цель покончить с соборностью личной жизни. Впервые брали курс на приоритет собственного и индивидуального, обещали гражданину одному лишь ему принадлежащую ванную, собственный туалет, индивидуальную кухню. Это было со стороны партии ошибкой, похожей на суицид. Человек, задумавшийся о личном толчке или собственной ванной, начинал думать дальше. И невзначай задумывался о своей собственной земле, личном предприятии и о работе, не зависимой от главков, парткомов и министерств.

Впрочем, в то время, когда встретились Валерий и Владимир, 86-й, а тем более 2001-й представлялись необозримейшей далью. Никто не думал ни о каких переменах (популярный анекдот того времени: «Что будет в две тысяча первом году? – Тридцатый съезд КПСС»). И в общих чертах жизнь вчерашних школьников, абитуриентов, а теперь и студентов Валерия и Владимира, в сущности, была расписана.

Через пять лет оба они закончат вуз. Если повезет и удастся *зацепиться* за столицу, станут получать по 120 рублей в аспирантуре или каком-нибудь московском НИИ или КБ. Если придется возвращаться в провинцию – что ж, огорчительно, зато приедут парни в родные города, да и получать на производстве будут побольше. А затем начнут тихий, но уверенный карьерный рост и к 40 годам достигнут вожделенной советской триады: квартира – дача – машина. А в профессиональном плане – начальственной должности на уровне, возможно, главного инженера НИИ, КБ или энергосистемы; кандидатской степени; членства в партии и регулярных выездов за границу – иной раз и в капиталистические страны.

Впрочем, столь конкретные жизненные планы роились тогда лишь в голове практичного Владимира. Романтический Валерий ни о чем таком не загадывал, только испытывал чувство щенячьего восторга оттого, что поступил в вуз; от Москвы и от будущей самостоятельной жизни. И грядущее ему являлось в виде светящейся дороги, устремленной, во всполохах каких-то фейерверков, вдаль и вверх.

И вот они впервые встретились.

– Валера, – протянул руку первый.

– Владимир, – представился другой.

– Прислан сюда волею пославшего мя коменданта на постоянное место жительства, – ерничал тонкий красавчик Валерий.

– Занимаем места согласно купленным билетам, – усмехнулся практичный Владимир. – Поскольку мы с тобой пришли первыми, будет справедливо, если мы выберем лучшие койки. У окна.

Он плюхнулся со своим брезентовым рюкзаком на такую койку. Пружины ухнули и растянулись до пола.

– Похоже, койка эксплуатировалась в мощном режиме, – заметил юноша. – Странно, почему на одеяле нет пугающей надписи «НОГИ».

Валерий заржал. Он оценил и незатейливый юмор товарища, и его владение материалом: «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» в ту пору обязан был знать и виртуозно использовать каждый уважающий себя юноша.

Так, в конце августа 76-го, началась их дружба.

Разумеется, согласно реестру, кроме Валерия с Владимиром, в комнату 109 шестого корпуса общаги явились проживать еще двое парней. Однако те проигрывали сотни очков двум «В» в остроумии и жизнелюбии. Косноязычные бабники, выпивохи и гуляки (один из Талдома, другой из Бугуруслана) не стали для В. и В. друзьями. Дорогу в близлежащие пивные и

к доступным девкам из текстильного общежития оба насильных соседа проложили раньше и посещали куда чаще, чем тропу в институт и к культурным очагам столицы. В итоге первый сосед был отчислен после первой же сессии; второй – после первого курса.

И наши юноши использовали всю свою хитрость и появившиеся связи, чтобы комендант никого больше не подселит на освободившиеся места. Валерка действовал обаянием. Вован – через знакомства, завязанные им в комсомольском бюро и в студсовете. Когда же им все-таки прислали на подселение вьетнамца, Валерий предложил, а Владимир осуществил жестокую шутку.

В первый же день без пяти шесть утра Вова сдернул с представителя братской азиатской державы байковое одеяло.

Валера уже стоял в трусах и майке, вытянувшись по стойке «смирно». Он изо всех сил сдерживал смех. Его лицо выражало почтение и даже скорбь.

Ровно в шесть ноль-ноль из репродуктора грянул советский гимн. Вова, в доступных выражениях, втолковал вьетнамцу, что, дескать, в Советской стране положено встречать день хоровым исполнением Государственного гимна. Испуганный вьетнамец также вытянулся по стойке «смирно».

Валерий и Владимир ладно спели гимн, развернув плечи и топорща грудь. Подселенец, не знающий слов, пытался подскуливать мелодии, льющейся из репродуктора.

В ту пору гимн Советского Союза исполнялся по первой программе радио дважды в сутки: в шесть ноль-ноль и двадцать четыре ноль-ноль. Им начинались и заканчивались все передачи.

Весь день, до вечерней поверки, гость из города Хошимина зубрил слова госгимна.

В двенадцать ночи повторилась процедура совместного пения.

А в шесть утра следующего дня жестокий Володя уже снова срывал со шуплого азиата одеяло.

Так продолжалось ровно десять дней, без перерывов на субботы и воскресенья. Затем вьетнамец исчез. Слава богу, ему достало ума не выяснять по официальным каналам, действительно ли советским товарищам положено два раза в сутки хором исполнять свой гимн. Видимо, юноша, прибывший в Москву из точки планеты, еще недавно бывшей «горячей», узнал правду из собственных, неофициальных вьетнамских каналов. А узнав, не пошел заявлять на Владимира с Валерой. Хотя, если бы настучал – поняли парни уже задним числом, – не миновать бы им, пожалуй, крупных неприятностей. Из института их, пожалуй, все-таки не вышибли бы – но строгий выговор по комсомольской линии (и лишение стипендии по линии административной) студенты получили бы как нечего делать.

И с поры изгнания вьетнамца – то есть с начала второго курса – Владимир и Валерий стали проживать вдвоем.

Они понимали друг друга с полуслова: не раз один помогал товарищу решать контрольные по физике и матанализу, а второй – делать чертежи на инженерной графике и писать рефераты по истории КПСС и марксистско-ленинской философии. В. и В. вместе появлялись на вечеринках: в комнатах общаги, на квартирах однокурсников, чьи родители неосторожно уезжали на курорт, в Измайловском и Лефортовском парках. Вместе посещали пивные бары – там, за высокими столиками, уставленными пузатыми кружками, тарелочками с посыпанными солью сушками, мелкими креветками и бутербродами с килькой решались философские проблемы, обсуждались литературные новинки и декламировались стихи. Порой там же рассказывали друг другу о любовных победах, демонстрировали украдкой под столом порнографические журналы и соревновались на скорость и количество выпитого пива. В отличие от многих однокурсников, Валерий с Владимиром не злоупотребляли визитами на *Солдатку* и *Ухтомку* (так именовались в народе два близлежащих пивных бара), а также портвейнами «Кавказ» и «Три семерки». Гораздо чаще они посещали театры, концертные залы, художественные галереи.

реи и, на худой конец, кинотеатры столицы. В данных культурных визитах заводилой был, как ни странно, не художественно одаренный Валерий, а практический Володя. «Будем ли мы жить в столице дальше – неизвестно; загонят тебя в Коми-Пермяцкий автономный округ, где один клуб, заплеванный семечками, на триста пятьдесят квадратных километров – вспомнишь тогда и „Таганку“, и „Современник“, и Концертный зал имени Чайковского!...» – «И Малый театр с Театром Гоголя?» – язвительно улыбался Валерий. (Театры Малый, Гоголя и Пушкина являлись тогда символом полной художественной безнадёги.) – «И их, бедолага, вспомнишь!»

Благодаря бешеной энергии неукротимого Володи они вдвоем посмотрели практически все спектакли «Таганки»: и «Антимиры», и «Послушайте!», и «Товарищ, верь!» – почти весь репертуар, за исключением только «Гамлета» и «Мастера и Маргариты», куда нельзя было просто словить у входа лишний билетик, а следовало разориться на дикую сумму: червонец, а то и четвертной. Но все равно живого Высоцкого неоднократно видели, не говоря уже о других полуподпольных звездах вроде Золотухина и Филатова.

В «Вахтангове» друзья созерцали очередную версию «Принцессы Турандот» с вечно молодыми Лановым и Борисовой. В Театре имени Ленинского комсомола смотрели «Тиля», а также единственный спектакль, поставленный самим Тарковским, – «Гамлет», с участием Тереховой, Солоницына и Гринько.

А за каждым более-менее стоящим фильмом готовы были (опять же по команде Володи) отправиться на единственный сеанс куда угодно: хоть в «Стрелу», хоть в «Факел», хоть в «Фитиль». Дважды посмотрели «Солярис», когда он пошел вторично. А потом Володя – Валера отказался – ходил на него еще несколько раз. Все пытался разобраться, в чем там смысл, пока Валерка не сказал ему довольно грубо: «Хватит! Нет там смысла, второго дна! Надо просто сидеть и смотреть. И наслаждаться, если тебе в жилу пошло. И плевать – если нет!»

Володька послушался – он вообще (замечал Валерий) прислушивался к его мнению, особенно касательно произведений литературы и искусства – и больше на «Солярис» не ходил, тем более тот уже не показывали. Зато каким-то чудом узнал, что в ДК авиационного института привезут «Зеркало», и предпринял экстраординарные усилия, чтобы добыть пригласительный – на два лица, разумеется. «Зеркало» бедного парня перепахало настолько, что среди ночи он разбудил товарища и вдохновенно спросил: «Знаешь, о чем я мечтаю?» – «Ну?!» – хриплым со сна голосом отвечивал Валерий. Вдохновенный крепкоторсый Володя в семейных трусах, озаряемый лунным светом, – это было зрелище для богов. «Я мечтаю, – молвил Владимир, – что у меня будет собственный кинотеатр, и я стану смотреть это „Зеркало“ когда захочу – и столько раз, сколько захочу».

Поразительно, насколько легко и непринужденно со временем осуществилась эта мечта – впрочем, как и любая мечта, связанная с научно-техническим прогрессом. Уже в 86-м у Володи появился видик, а вскоре – копия «Зеркала». Сейчас у него огромный домашний кинотеатр со «звуком отовсюду» из колонок «Bang & Olufsen», и «нулевая», на Западе выпущенная копия «Зеркала», – как и всех других фильмов, за которыми он гонялся по Москве в те студенческие годы. Однако смотрел он «Зеркало» лишь единожды – когда настроение было самым поганым, и от просмотра фильма, любимого в юности, стало только хуже...

А тогда, в апреле 79-го, откосив от послеобеденных лекций по ТОЭ³ и политэкономии социализма, друзья решили совершить очередной свой культпоход. Они тщательно проштудировали всю киноафишу, наляпанную клейстером на стенде на углу Красноказарменной и Госпитального Вала – и не обнаружили ровным счетом ничего достойного. «Пошли в „Зарядье“», – предложил Валерка. «А что там идет?» – «Советское г...но какое-то. Про врачей. Зато Мягков играет».

³ ТОЭ – теоретические основы электротехники.

«За неимением Мастроянни идем на Мягкова, – скептически откликнулся Володька. – Ну, ладно, похилияли».

На троллейбусе двадцать четвертого маршрута они доехали до станции «Лермонтовская», а оттуда, с одной пересадкой на «Кировской», прибыли на «Площадь Ногина». Потом друзья прошли мимо стены Китай-города, мимо вестибюля гостиницы «Россия», которая возвышалась своим стеклом и бетоном, словно символизируя величие партии и страны, – парни знали, что именно здесь останавливались во время съездов КПСС депутаты; именно сюда селились высокопоставленные провинциальные командированные, а также как досадное недоразумение богатые гости из закавказских и среднеазиатских республик. Здесь, к примеру, дважды останавливался Валеркин отец, когда приезжал в столицу в министерство – все ж таки он служил, не хухры-мухры, замом главного инженера «Горькийэнерго», и «Россия» ему полагалась по статусу (Валерка втихаря этим гордился).

В Синем зале «Зарядья» желающих посмотреть фильм практически не наблюдалось – что вы хотите: рабочий день, присутственные часы, а идет советская полупроизводственная-полулюбовная драма.

– Позвольте угостить вас этим кино, товарищ, – сказал в кассах Валера. – Мне как раз предки прислали вчера ежемесячный пенсион.

– Как вам будет угодно, товарищ, – столь же шутейно отвечал Володя, – большое вам русское мерси.

Валерка протянул в окошко кассы пятьдесят копеек мелочью, и кассирша с помощью линейки оторвала от билетной книжки два узких синеватых билетика.

Двое друзей отправились в холл. До начала сеанса оставалось двадцать пять минут.

Толстая контролерша оторвала корешки. Юноши прошли в вестибюль.

Кинотеатр «Зарядье» по сути своей был таким же, как и сотня других кинотеатров столицы, – и как миллионы советских, от горячей Кушки до приморской Клайпеды. Буфетная стойка; несколько столов со стульями; по стенам – портреты артистов советского кино, с неизменным присутствием Вячеслава Тихонова, Александра Демьяненко, Натальи Фатеевой и Нонны Мордюковой; обслуживающий персонал – как правило, в виде толстых, золотозубых, пергидрольных тетенок неопределенного возраста. Однако в неофициальной столичной табели о рангах «Зарядье» шло непосредственно следом за двумя державными, фестивальными: «Россией» на Пушкинской и «Октябрем» на проспекте Калинина. И центровое положение кинотеатра обязывало к легким дизайнерским изыскам. Стены вестибюля были оправлены в деревянные панели, крытые коричневым лаком. На кашпо хирели цветы. Многоэтажные люстры сверкали хрусталем.

И, наконец, в здешнем буфете продавалось пиво!

– О! – сказал Валерка при виде «Жигулевского» за тридцать восемь копеек бутылка.

– Ого! – ответил Владимир.

– Разрешите угостить вас, сэр?

– Ваша доброта не имеет границ, сэр. Но я, пожалуй, откажусь от вашей милости, и, напротив, сам готов угостить вас. Сэр.

– О, как вы великодушны!..

– Да, сэр!.. Я хоть не получаю денежное вспомоществование от родителей, однако не будем забывать, сэр, что родной вуз платит мне ежемесячную стипендию.

– Смею отметить, что наша альма-матер не обделяет своей финансовой благосклонностью и меня, сэр.

– Однако я получаю, в отличие от вас, уважаемый сэр, не простую, а повышенную стипендию. Сэр!..

При виде пива – скучающе ждущего, пока его купят, пива, за которым не требовалось организовывать экспедиции и выстаивать очереди, молодые люди испытали приступ воодуше-

ления. Всплеск настроения немедленно отразился в дурашливом трепе. Тетечка, стоящая за буфетной стойкой, с благосклонной снисходительностью слушала шутейные препирательства двух юнцов – пока ей не надоело и она не гаркнула:

– Так! Я не по'няла! Вы заказывать будете?

Буфетчица – с двумя золотыми зубами, в несвежем халате, с бюстом, возлежащим на животе, – выглядела натуральной теткой. Между тем, если присмотреться, ей и тридцати еще не исполнилось.

Тогда девятнадцатилетние Володя и Валерий еще не обращали внимания и не задумывались над тем, сколь быстро советские женщины переходят из категории милых, привлекательных зазывных девчонок в разряд теток: усталых, никому (даже себе) не интересных, асексуальных.

Володьке примерно в те времена рассказали один анекдот. Он ему очень понравился, и Вова его запомнил. Его он пересказывал сначала своим; затем, когда началась перестройка, – в обществе деловых партнеров; а потом, как только у него завертелся бизнес с западниками, – и им тоже. И во всех аудиториях история имела неизменный успех. На Западе она органично дополняла Володин имидж: молодой российский бизнесмен готов легко и мягко, без надрыва, посмеяться над проблемами своей родины.

Итак (рассказывал Володя), советская t'etka тащится с работы домой. В одной руке у нее авоська с колбасой, пакетом молока, хлебом и прочим провиантом. В другой – рулончики туалетной бумаги, нанизанные на бечевку. И вдруг в подъезде ее встречает эксгибиционист. Он распахивает свой плащ и демонстрирует голое тело. Женщина смотрит на него и ахает:

– Ах ты, батюшки!.. Я же яйца забыла купить!..

В конце 80-х, в эпоху первых совместных предприятий, Володя с постоянным успехом рассказывал сей анекдот своим итальянским партнерам.

В ту же пору, впервые *по-настоящему* попав на Запад – с деньгами и без парткомовских надзирателей, – Владимир сделал для себя открытие: чем отличаются российские женщины от зарубежных. Дело заключалось не только в холерности, одежде и общей раскованности. Володя заметил те взгляды, что бросали на него и украдкой, а чаще даже в открытую, зарубежные дамочки и сорока, и пятидесяти, и – что совсем уж возмутительно – даже шестидесяти лет. В их глазах горел игривый огонек неприкрытого желания и готовности к роману. Для западных женщин жизнь, казалось, только начиналась в сороковник, и они любили себя, были подтянутыми (во всех смыслах этого слова) и – готовыми к любви.

Справедливости ради следует сказать: чем дальше Россия продвигалась к капитализму, тем больше по-западному ухоженных дамочек появлялось на столичных улицах и в кафе. Однако – тяжкое наследие прошлого! – даже они полагали малоприличным после известного возраста рассылать по сторонам сексуальные мэсиджи, словно не до конца доверяя самим себе и своей привлекательности.

Но до обновленных русских женщин бальзаковского возраста должно пройти еще как минимум двадцать лет, а пока Володя протянул буфетчице желтоватый новенький рубль и блестящий пятиалтынный и попытался скомандовать:

– Три пива, два чистых стакана. Пиво – открыть, стаканы протереть салфеточкой.

Но не на ту нарвался. Советским общепитом не покомандуешь – даже если ты девятнадцатилетний красавец.

– Ша, разбежалась, – лениво откликнулась продавщица и выставила на стол три бутылки зеленоватого стекла.

Чпок, чпок, чпок! – быстро и профессионально откупорила пиво служительница прилавка. По эротично изогнутому боку одной из бутылок неторопливо потекла пенистая струя.

– Стаканы сами возьмете, – кивнула пивная фея на поднос с перевернутыми гранеными стаканами и швырнула в корытце для денег мокрую копейку сдачи.

– Зачем ты три бутылмента взял? – спросил у Володи приятель, когда они отвалили от прилавка.

– Не мог удержаться, – честно ответил Владимир. – Стока пива, и никакой очередюги.

– Может, по рублю, и в школу не пойдем? – потирая ручки, предложил Валерка. – То есть, ну его, это кино с Мягковым? Здесь посидим.

Его артистичная натура редко когда могла устоять перед возможностью выпить.

Володя нахмурился и коротко бросил:

– Нет.

– Чего это ты?

– Выпьем и пойдем в кино – у нас получится культпоход и духовный рост. А без просмотра – рядовая пьянка.

– А если фильм – полная параша?

– Так не бывает, – сосредоточенно покачал своей большой головой Володя. – Даже в самом плохом кино есть хорошие эпизоды. Они потом греют душу и свидетельствуют, что фильма была снята не зря.

Валерка искоса глянул на друга: не насмехается ли он сейчас. Нисколько. Володя был как никогда серьезен.

– Ну, ты сказал. Во, кинокритик!.. – с неподдельным восхищением выдохнул Валерка. – Капралов прям, блин! Искусствовед в штатском!

– Ладно, давай допивать. Уже третий звонок.

– Журнал пропустим. Все равно в «Зарядье» «Фитиля» не может быть. Слишком близко к Мавзолею. Только «Новости дня».

– Ну почему?! – заспорил Валерка. – Я «Фитиль» даже в «России» видел. Причем два раза.

– Ты давай пей, а не разглагольствуй, – нахмурился практичный Володя. – Еще надо успеть отлить.

И он принял к пенистой влаге, в несколько глотков опорожняя граненый стакан.

Идея войти в кинозал с недопитой бутылкой даже не приходила друзьям в голову. А если б и взбрела – их ни за какие коврижки не пустили бы внутрь надзирательницы. Жизнь в те годы была организована строго: пиво пьют в буфете. В кинозале смотрят фильм. Сочетать два данных развлечения категорически воспрещалось.

Итак, друзья спешно допили пиво и, проманкировав киножурналом, отправились в зал.

Они вошли, когда из динамиков доносились последние духоподъемные аккорды «Новостей дня».

– Ну, я же говорил, – удовлетворенно молвил Володя, – никакого «Фитиля» в «Зарядье» быть не может.

Зажегся тусклый свет. Зал оказался заполнен едва на четверть. Друзья, невзирая на места, указанные в билете, заняли наиболее удобные кресла: не слишком близко к экрану, но и не далеко. Ну, и конечно, чтобы перед их глазами не маячили ничьи головы.

С демонстрации советских символов – «Рабочего и колхозницы» и Спасской башни – начался фильм.

Впоследствии, вспоминая ту ленту, Валерка не мог припомнить ничего, кроме проходов врачей по коридорам больницы (кино было про доктора средних лет): киношные эскулапы, курам на смех, расхаживали в белых халатах, *накинутых* на плечи. Между тем даже столь далекие от медицины товарищи, как два «Вэ», понимали, что сие – «случай так называемого вранья». Доктора – не посетители, они свою спецодежду на себя *надевают*. А еще остался в памяти эпизод, как двое влюбленных приезжают на чужую дачу, им стелют на чердаке, и хорошенькая героиня ловит раскачивающуюся лампочку без абажура и выкручивает ее из патрона. Имелся в той сцене скрытый эротизм – а иного, неприкрытого, в советском кино и быть не

могло; до появления первой ленты с обнаженной в постели («Экипажа») оставался еще год. (И лет восемь – до первого осторожного показа полового акта в «Маленькой Вере».)

Однако не исключалось, что «скрытый эротизм» лишь почудился девятнадцатилетним гиперсексуальным юношам.

Словом, как и предсказывал Володя, одна-две запомнившиеся сцены – для кино средней руки уже хорошо.

Зато о том, что случилось непосредственно сразу после того, как на экране появился титр «Конец фильма», Валерка будет вспоминать всю свою жизнь. Итак, мелькнул финальный титр, одобренный еще чудным для наших краев значком копирайта, зажегся сумрачный свет, и публика не спеша побрела к выходу. Друзья остались сидеть: оба они терпеть не могли толчею любого рода и потому из залов – киноконцертных и театральных – предпочитали выходить последними.

Когда ostatние зрители неспешно вытекали из амфитеатра, Володя ткнул Валерия локтем: пошли, мол. Они побрели по ряду.

– Что за лажа! – припечатал только что просмотренную ленту Валерка.

– Чепуха на постном масле, – согласился Володя.

– Не-ет, – заявил склонный к парадоксам друг, – это чепуха не на постном, а на чистом *машинном* масле.

И вдруг Валера заметил валяющийся под ногами кошелек. Нет, скорее даже не кошелек, а портмоне: здоровенный лопатник тонкой кожи, отделанный разноцветными узорами. Подобные привозили обычно в столицу из прибалтийских республик, и стоили они изрядную сумму: от десяти до пятнадцати рублей.

Валерка немедленно поднял находку. (В те времена еще никто не слыхивал о мошенничестве с подбрасыванием лоху крупной суммы денег и последующим криминальным дележом, в результате которого жертва лишалась не только счастливо обретенных, но и собственных наличных.) Поэтому безо всякой боязни юноша раскрыл портмоне – и у него зарябило в глазах. В кошельке сиреневела стопка двадцатипятирублевых, отдельно лежала пачка алых червонцев. Целое состояние – не только для студентов, а и для любого советского человека (если он, конечно, не торгаш-ворюга и не секретный академик). Через плечо замешкавшегося друга на содержимое бумажника смотрел Володя.

И в этот миг, совершенно неожиданно для Володи, Валерка закрыл кошелек и гаркнул на весь кинотеатр своим хорошо поставленным баритоном:

– Товарищи! Кто потерял кошелек?!

Последние кинозрители, вытекавшие на улицу, расслышали вопль и заоглядывались. Впрочем, никто не остановился. Зато вздрогнула и насторожилась тетка – служительница кинозала. Ей достало доли секунды, чтобы вскинуться и на крупных рысях броситься к студентам.

– Ты что делаешь?! – прошипел Володя товарищу. Он пребольно пихнул его в спину, вырвал у Валерки портмоне и мгновенно сунул его во внутренний карман своей куртки.

А тут как раз подоспела и кинотеатровая надзирательница.

– Где кошелек? – шаря взглядом, спросила она. – Ты, что ли, мальчик, нашел его? Давай. Если будут искать, я хозяину верну.

– Нет, нет никакого кошелька, – подпихивая друга в спину, молвил Володя. – Это он пошутил.

– Пошутил?! – протянула тетка, и искательная хлопотливость на ее лице сменилась досадой. – Как так пошутил?

– Молча, – грубо и не совсем впопад бросил Володя, протискиваясь мимо контролерши и увлекая за собой безмолвного друга.

Тетка, понимая, что нежданная добыча уплывает, немедля возвысила тон:

– Как так пошутил? Кто ж так шутит-то, а?! Ну-ка, раз нашли кошелек, давайте его сюда! Так положено! Администрация передаст находку куда следует!

Не отвечая, Володя потащил за собой растерянного Валерика (тот, того и гляди, готов был вступить с тетенькой в дискуссию, а то и вовсе отдать ей портмоне). Они побежали вниз по лестнице, а вслед им неслись вопли контролерши, которая от обиды и злобы начала нести уж полную ахинею:

– Я вот шас милицию вызову! Она тебя обыщет, и если чужой кошелек найдет, изымет! А тебя за грабеж посадит! А ну-ка, давай вертайся! Чужое имущество вертай!..

Однако Володя уверенно припустил к выходу – и Валерке ничего не оставалось делать, как на рысях следовать за ним.

Выбежав на залитую весенним солнцем Москворецкую набережную, Владимир быстрым шагом пересек площадку перед кинотеатром и свернул за угол, за бетонную стену, поднимавшуюся к гостинице «Россия». Здесь, в закуте, было тихо. Ни единого человека вокруг, лишь толкались на ветру голые ветви берез – очередного советского символа.

Оглянувшись и убедившись, что за ними нет погони, Володя вытащил из внутреннего кармана чужое портмоне. Затем выхватил оттуда пачку денег.

– Ни фиги себе! – воскликнул он.

Такой суммы он в руках никогда не держал. Валерка наверняка тоже.

Спрятав лопатник, Владимир принялся пересчитывать деньги. В кошельке оказалось двадцать двадцатипятирублевых, двенадцать червонцев, ну и по мелочи – пятерки, трехи и рубли. Итого – на общую сумму шестьсот сорок три целковых. Володя спрятал деньги в свой карман, а кошелек зашвырнул за гору ноздреватого снега.

– Живем, брат! – возбужденно проговорил он, хлопая товарища по плечу. – И никто ничего не узнает!.. Гуляем!

Валерка не разделял его радости. Нахмурившись, он молвил:

– А все-таки нехорошо мы с тобой поступили.

– А что надо было делать? – окрылся на него товарищ. – Правда, что? Мегере этой кинотеатровой добычу отдать?!

– Ну, хотя бы. Кошелек же не наш.

– А ты что, думаешь, она б его хозяину вернула?! Думаешь, вернула?!

– А почему нет? – дернул плечом Валерка. – Наверно, отдала бы.

– Ну ты наивняк! – протянул Володя. – Ты эту тетку видел?! Да от нее не то что шести косых – гривенника ржавого никто не дождется!

– Ты что, думаешь, она бы деньги себе забрала?

Володя обидно заржал.

– Ты еще спрашиваешь!

Но Валерка продолжал упорствовать:

– А если к ней хозяин бумажника вернется? Хватится – и вернется?

– Ну, и что? Она ему скажет: «Ничего не знаю, ничего не видела, и я вобще не я».

– Но теперь-то точно деньги хозяину никто не отдаст, – грустно промолвил Валера.

– И – что? Думаешь, они у него последние? Да этот кошелек наверняка барыги какого-нибудь. Или лаврушника. Знаешь, сколько их в «России» живет! Да для него шестьсот рублей – мелкая разменная монета. Как для тебя двадцать копеек. Он еще себе наворует тридцать раз по столько.

– Думаешь? – с неуверенной надеждой проговорил Валера.

– А то! Наши люди с шестью косыми в кармане по кино не ходят!.. Ладно, кончай эти мерехлюндии! Отмечать пора. Гулять едем.

– Куда? На *Солдатку* или на *Ухтомку*?

– Ну ты спросил! С такими деньжищами – и на Ухтомку!

– А че? – слабо попытался защититься Валерка. – Там наших ребят наверняка полно, угостили бы их.

– Ничего, – свысока молвил Володя. – С такой суммой найдется кого угостить. И друзья сразу появятся.

И Володя целеустремленно зашагал, прямо по остаткам снега и грязюке, к Китайгородскому проезду.

– Ты куда? – бросился вслед за ним Валерка.

– Как куда? На такси – и в ресторан.

– Да ладно, поехали на метро.

– Богатые люди на метро не ездят, – выдал новый афоризм важный Володька и поднял руку, призывая к себе желтую «Волгу» с шашечками – или, на худой конец, «жигуленок» подхалтуривающего частника.

1979 год: ресторан «Пекин»

Итак, друзьям – впервые в их жизни – было все равно, где гулять. Денег хватило бы на любой ресторан. Да с такой суммой можно было бы месяц ежедневно в кабаках ужинать (подсчитал про себя воодушевленный Володя). Да и Валерка развеселился. Его обостренная совесть отчасти успокоилась тем, что дело сделано, снова его не переиграешь, а явной подлости они с Вовкой, кажется, не совершили.

После пятнадцати минут безуспешного голосования на углу Китайгородского проезда и Москворецкой набережной – друзья уже стали подмерзать – возле них тормознул новенький светло-зеленый «жигуленок».

– На площадь Маяковского, будьте любезны, – склонился над окошком Владимир.

Водитель внимательно оглядел его и кивнул:

– Садитесь.

Парни плюхнулись на заднее сиденье.

Машина осторожно отвалила от тротуара. Когда поворачивали направо, шофер искательно молвил:

– Только я вас прошу, ребята: если орудовцы остановят – скажите, что вы мои родственники.

– Зачем? – искренне не понял Валерка.

Он на такси и на частниках ездил не часто.

– Ты что, с луны упал? – прошипел ему в ухо Владимир. – Борьба с нетрудовыми доходами!

И громко спросил водителя:

– Ну, раз мы с вами теперь родственники, скажите, как вас зовут.

– Меня – Виталий Яковлевич, – молвил частник. – А вас?

– Я – Володя, а этот хлыщ, что с луны упал, – Валерка.

– Давайте вы моими племянниками, если что, будете, – предложил шофер.

– Заметано! – хлопнул по коленке Владимир. – Мы приехали из Кемерово, и вы нам показываете красоты столицы нашей Родины. «Посмотрите направо, – вдруг заблажил он тоном экскурсовода, – вы видите впечатляющее здание самой большой гостиницы в СССР – „Россия“, с одноименным киноконцертным залом, а также, – он, ухмыляясь, толкнул в бок Валерку, – уютным двухзальным кинотеатром „Зарядье“. А дальше перед вами открывается замечательный вид на Красную площадь с Мавзолеем Владимира Ильича Ленина и сердце советской страны – Кремль...»

– Молодец, экскурсовод! – крикнул водитель. – Сам-то не из Москвы?

– Не, я из Омска, – нахмурился Володя. – А с чего вы взяли?

Ему очень не понравилось, что он уже почти три года живет в столице, а в нем чуть не с первого взгляда разоблачили провинциала.

– Да москвичи так, как ты, город свой не знают. И Красная площадь им с Кремлем, извините, до фонаря.

– А-а, – протянул Володя и сделал в уме пометку: «Больше красота столицы не восторгаться, никакого внимания на них на людях не обращать».

Пока они ехали до площади Маяковского, Володя, готовый сейчас любить весь мир, разговаривал частника. Оказалось, что тот военный, майор, дежурит сутки через трое. Машину в начале нынешнего года ему в воинской части выделили. Денег назанимать пришлось. И вот майор в свободное от службы время колесит по Москве, восполняет урон семейному бюджету. Цель поставил: до конца года стоимость «жигуленка» оправдать.

– И как успехи? – спросил заинтересовавшийся Владимир.

– Наверно, сумею, – важно кивнул майор. – Три тыщи я уже с начала года наездил. Володька снова толкнул Валерку в бок локтем и прошептал ему:

– Во, видал! Да в Москве деньги и впрямь на дороге валяются – только подбирай.

Товарищ поморщился.

Наконец машина тормознула на площади Маяковского, рядом с рестораном «София».

Володя протянул водителю пятерку.

– Да что вы, ребята, – засмутился майор, – у меня сдачи нет.

– Ладно, ладно, сдачи не надо, – покровительственно похлопал шофера по плечу Владимир.

– Да не, ну это много, – растерянно протянул левак.

– Бери, бери, у нас сегодня праздник. Мы с братом в «Спортлото» выиграли.

– Что, серьезно? – немедленно заинтересовался водитель.

– Ага, – кивнул Владимир, вылезая из чистенького, словно только что с конвейера, «жигуленка». – Пять цифр угадали. Наверно, целую тыщу получим.

– Молодцы! – с явной завистью покачал головой шофер. – Тогда ладно. Тогда счастливо. По системе играли или так?..

– Не, первый раз в жизни билет купили, накорябали там чего-то и угадали, – бросил Володя, закрывая дверь. – Счастливо поработать!

Майор молча кивнул, аккуратно пряча пятерку во внутренний карман пиджака. Машина взревела и аккуратно влилась в строй, едущий по улице Горького по направлению к Белорусскому вокзалу.

Владимир по-прежнему пребывал в состоянии восторженности, а Валерка снова стал кукситься.

– Ты че опять нахмурился, племянник из Кемерово? – хлопнул его по плечу товарищ.

– А может, мы у такого вот честняги кошелек увели...

– Все, хватит! – разозлился Владимир. – Ты мне надоел. Я тебя больше уговаривать не буду. И повторять, что честняги с шестью сотнями в кино не ходят, не стану. Давай капусту поделим поровну, – ты не возражаешь, что это будет по-честному? – и делай со своей долей, что хочешь. Хочешь – в Фонд мира ее отправь. А тока настроение мне не порть!

Валера не нашелся, что возразить, и последовал за товарищем. Они перебежали в неположенном месте Пешков-стрит и скорым шагом подошли к ресторану «Пекин». Получивший очередную отповедь Валерка не стал больше нудеть, а покорно шагал за Володей. Через минуту друзья вошли в вестибюль гостиницы и предстали перед бдительным оком швейцара.

Швейцары, эти заслуженные стукачи Советского Союза, передовой отряд взяточников и непушателей, осуществляли в те годы функции, обзываемые сейчас по-иноземному: «дресс-код» и «фейс-контроль». Он смерил молодых людей профессиональным взглядом с ног до головы. Отметил и убогонькие курточки какого-нибудь румынского происхождения, и подпачканные туфли весьма среднего качества (не «Большевичка», конечно, но и далеко не Австрия с ФРГ – скорее всего, производства чехословацкой фабрики «Цебо»). Однако бедра обоих молодых людей облегли настоящие джинсы – а юноша, выкладывающий за простые брюки месячную зарплату старшего инженера, обычно способен оплатить вечер в ресторане.

По части джинсов швейцар в своих оценках оказался прав. Валерий шеголял в «ливайсах», сшитых по лицензии в полубратской Венгрии (батяня привез из турпоездки на Балатон), а Володя купил свои великолепные «супер-райфлы» у известного всей общаге негра-фарцовщика Жоры за сто пятьдесят рублей. Надо ли напоминать, что в те годы джинсы играли примерно ту же роль, что иномарка и пейджер в начале 90-х или сотовый телефон – в конце того же десятилетия? Наличие *фирмо'вых джинсов* недвусмысленное свидетельство тогда о модности, платежеспособности и, главное, продвинутости их носителя.

Джинсы стали определяющим фактором для того, чтобы швейцар выдал скупую улыбку и даже распахнул перед молодежью тугую дверь: «Прошу!»

Определяющим – но не решающим. Ибо решающим стал явственно излучаемый обеими юношами (особенно первым, плотным, круглоголовым) запах денег. Запах успеха. «Странно, – подумал золотогалунный швейцар. – Вроде бы пареньки самые обычные, совсем не мажоры. Даже, скорее, провинциалы. И время года не то, чтобы студия гулял. Это они в сентябре, когда им деньги за ихние стройотряды и шабашки выдают, червонцами швыряются – а сейчас апрель. Может, эти двое нечестным путем свои тугрики заработали? Ну, коли вдруг так, тем более следует их пустить – потому что тогда, в процессе потребления спиртных напитков, юнцы могут проговориться. Пускай слухачи поработают, и, может, на „незаконные валютные операции“ или даже на „антисоветскую пропаганду“, а то и „измену Родине“ накопают».

Далеко не один швейцар – а, пожалуй, вся Москва (за исключением, может, девственных провинциалов – в том числе, как ни грустно, Володи с Валерием) знала, что столики ресторана «Пекин» прослушиваются КГБ. И если в прочих заведениях столицы болтать просто не рекомендовалось, то в «Пекине» не рекомендовалось категорически. Однако, естественно, слухачам – как и комитету в целом – наплевать было на рассказываемые в ресторации анекдоты про Брежнева. (Разве что если новый услышат. За новый начальство и поощрить могло; рассказывали, это потому, что *Леня* анекдоты про себя любит и даже, мол, их собирает.) Но немало, ох, немало дел по валютчикам, ярым антисоветчикам, фарцовщикам, фальшивомонетчикам и даже предателям Родины начиналось с неосторожно брякнутой за столиком ресторана фразы. Ляпнул что-нибудь клиент под влиянием коньячно-водочных паров и в результате того, что ее вовремя услышали органы, попал в оперативную разработку – а там, глядишь, и следствие не за горами, и суд, приговор, Мордовлаг...

Времени не было и шести. Огромный зал с прямоугольными колоннами почти пустовал. Метрдотель указал юношам столик почти в самом центре величественного помещения.

Лениво прибрела официантка, подала отпечатанное на машинке меню.

– Заказываем по правилу правой руки, – провозгласил воодушевленный Володя.

– Это как? – заинтересовался Валерка.

– Ты че, не знаешь? По правилу левой руки – значит, закрываешь ею названия блюд и смотришь только на цены. И заказываешь что подешевле. А по правилу правой руки – значит, циферки прикрываешь и требуешь только то, что тебе понравилось.

Пройдет лет пятнадцать, и настанут времена, когда «новые русские» внесут поправку в древние, как наука физика, законы. Они, особенно за границей, станут выбирать блюда и напитки по правилу левой руки, то есть закрывая названия (в коих все равно мало что смысла), – но при этом будут заказывать не самые дешевые, как встарь, а наиболее *дорогие* блюда.

– Ну, что ж, закуска, – пробормотал Владимир, завладевший меню. – Мясо по-китайски «Двенадцать стражников». Звучит эффектно. Салат из бамбука. Тоже берем. Салат из морской капусты – неплохо. Определились? Теперь второе. Утка по-пекински. Давно мечтал попробовать утку по-пекински. Ну а пить будем, конечно, армянский коньяк. ВК-КВ – самое то, что заслужили. Ну и, конечно, хлебушек, минеральная вода. Потом отлакируем кофе, а может, даже зеленым чаем. Да, мы готовы. Девушка!.. – замахал Владимир официантке.

Когда девушка (очередная вариация на тему советской тетки) подошла, он озвучил ей заказ. Официантка старательно записала выбор в книжечку, прониклась его стоимостью, а потом тихо, с материнской заботой спросила парней:

– Ребят, а у вас денюжат рассчитаться хватит?

– Не волнуйся, красавица, – отмахнулся окончательно вошедший в роль купчины Володя. – И на чай тебе останется, если будешь поживей поворачиваться и глупых вопросов не задавать.

И вскоре на стол явился коньяк и две бутылки нарзана. Официантка, воодушевленная поведением юного кутилы, даже разлила коньячок по рюмочкам.

– Ну, за победу, за нашу победу, – провозгласил Владимир и лихо опрокинул сосуд. Его друг последовал примеру. Коньяк необыкновенно мягко оросил гортань, пищевод и желудок. Растекся по телу, поднялся вверх и теплой волной тукнул в мозг.

Вечер необыкновенной находки рисковал обратиться в банальную пьянку.

Но не превратился.

А все потому, что неподалеку от Вовы с Валерой приземлилась в пустынном зале любопытная троица. Ее составляли: мужчина – на взгляд студентов, в возрасте, то есть за тридцать, – и две очаровательные барышни. Первая из них, блондинка с живым лицом, была явно моложе своего спутника. Притом она, очевидно, состояла с мужчиной в связи – пожалуй, даже в отношениях официальных, зарегистрированных в загсе. Иначе она не бросала бы на свой предмет откровенно пылких взоров, не брала бы прилюдно его за руку и не поглаживала по лацкану пиджака. Он тоже смотрел на нее столь пылающими глазами, коими глядят на своих половин мужчины лишь за несколько месяцев *до* и в первые семь месяцев *после* заключения официального брака.

Однако эта парочка не привлекла бы внимания Володи (а особенно Валерия), когда бы с нею за столом не присутствовала третья особа. Непонятно, кем она приходилась влюбленной парочке: подругой? Сестрой – его или ее? Его *бывшей* (а что, и такое случалось)? Сослуживцей?.. Девушке, казалось, лет было столько же, сколько нашим друзьям: около двадцати. Она одета была в стиле модного минимализма: джинсы и черный свитерок под горло. Прическа под пажа казалась тщательно уложенной, необыкновенно грациозные длинные руки эффектно жестикулировали – пожалуй, даже с несколько избыточной экспрессией. Валерию издалека казалось, что она являет собой образчик одновременно и тонкого вкуса, и легкой, многообещающей вульгарности, и жесткости, и изящества, и нежности, и строгости. Неизвестно почему, но юноше почудилось, что все мыслимые (и немислимые) женские качества каким-то чудом воплотились в этой хрупкой, тонкокостной брюнетке с белой кожей и огромными ресницами.

За столиком, где она сидела, оживленно разговаривали, но друзья не могли разобрать ни слова, лишь гул голосов, да временами долетали взрывы хохота, в которых доминировал смех брюнетки, окрашенный легкой хрипотцой. Несколько мгновений Валере даже думалось, что девушка, возможно, является иностранкой – настолько она своим внешним видом и манерами отличалась от среднестатистической советской девицы. Однако потом до него донесся обрывок ее рассказа на чистом русском: «...А он ей и говорит...» – и юноша с облегчением понял, что она – наша, иначе шансы договориться с ней стали бы минимальны.

Впрочем, они и без того представлялись Валере асимптотически стремящимися к нулю. Он не мог представить: как преодолеть разделяющее их расстояние – три или четыре пустых стола? Как подойти? Под каким предлогом? Что сказать?.. И никакой надежды на музыку. Ансамбль или оркестр не собирался, кажется, играть в «Пекине» в тот вечер. И не было никакого повода, чтобы преодолеть эти двадцать-тридцать метров, пригласить девушку на танец, и, если б она согласилась, тогда уж действовать, не выпуская ее...

Между тем официантка принесла закуски, ласково сказала: «Кушайте, мальчики» (то ли отчего-то возлюбила юных посетителей, то ли впечатлилась щедрыми обещаниями чаевых), подлила в рюмки коньячку... А Валера все сидел – пораженный то ли громом, то ли молнией, то ли электрическим разрядом сродни тем, что демонстрировали будущим энергетикам на кафедре ТВН⁴... Во всяком случае, он знал, что такой девушки он никогда еще не видел – и мучительно хотел быть рядом с нею, и понимал, что ничего подобного в его жизни еще не случалось...

⁴ ТВН – техника высоких напряжений.

– Эй, отомри-и!.. – позвал Володя и цокнул своею рюмкой о Валерин сосуд. – Мы пить-то седня будем?.. – А потом понизил голос: – Что, понравилась?

Валера вздрогнул и фальшивым голосом переспросил:

– Кто?

– Как – кто? Та брюнетка в черной водолазке. Она одна здесь может понравиться.

– Понравилась, – решив не таиться, вздохнул Валерий.

– Отлично. А что ты вздыхаешь?

– Понравилась, ну и дальше что?

– Дальше – куда? – хмыкнул приятель.

– Не пошли. Я имею в виду, что, во-первых, она не одна. Во-вторых, даже танцев нет. Как я подойду к ней знакомиться?

– Как? Хм. Ну, мы можем с тобой затеять драку. Я нанесу тебе удар в глаз, и ты отлетишь прямо к ее ногам. Она, конечно, тебя пожалеет, поднимет, вытрет слезы...

– Ха-ха-ха, как смешно.

– Ладно, принимайся за «Двенадцать стражников», да бамбуком закусывай. А то захмелеешь.

Валера кивнул.

– Может, захмелеть будет самым правильным выходом.

Володя нахмурился.

– С какой вдруг стати?

– Ну, раз девушка в руки не дается.

– А каким, ты думаешь, образом, – повысил голос Владимир, – она должна тебе даваться?..

– Тише, тише, а то еще услышит...

– Ты мне рот не затыкай!.. Она что, должна сама подойти к тебе и сказать: «Ах, о таком, как ты, я мечтала всю жизнь! Делай со мной, что хочешь!» Так, что ли?!

– Ну, нет, не так, конечно, – попытался оправдаться Валера. – Но вообще я считаю, если тебе суждено с кем-то встретиться – познакомиться, ты с ней и встретишься, и познакомишься. Безо всяких лишних телодвижений. Ты случайно столкнешься лицом к лицу, и вы оба, как Мастер и Маргарита, вдруг поймете, что это – Судьба...

– Судьба, говоришь?! – зло усмехнулся Володя. – Да судьба – это вздорная, непостоянная дамочка с дурным характером! И ее нужно взнуздывать, как норовистую лошадь! Ею надо командовать! Управлять!..

Валера скривил губы.

– Многих таких наездников, как ты, – возразил он приятелю. – Тех, которые решили, что могут ею править, судьба выбрасывала из седла и еще копытами под зад поддавала!..

Его друг, судя по выражению лица, не на шутку рассердился.

– Да?! Наоборот!.. Слишком много таких бесхребетных тюфяков, как ты, щелкали своими, извини за выражение, хлебальниками и не брали у судьбы даже то, что она подкладывала им прямо в руки. А потом ныли: ах, как мне не повезло в жизни!..

Валера неприятно улыбнулся.

– Значит, я теперь тюфяк бесхребетный. Что ж, спасибо!

– А кто ж ты еще?! – с азартом стал добивать его Владимир. – Сначала судьба подбрасывает ему лопатник с кучей денег. Он его поднимает, но притом орет, как ишак, на весь кино-театр: «Товарищи, кто потерял кошелек...»

– А тебя не учили, что нехорошо брать чужое?

– Учили, учили!.. Но еще и учили: не отдавать свое! А ты хотел отдать! Какой-то тетке-контролерше!..

Девушка за дальним столиком, словно чувствуя, что она стала первопричиной спора, несколько раз исподволь взглядывала на друзей, а потом с улыбкой молвила что-то своим спутникам. Слов ее Валере с Владимиром слышно не было, однако бедному влюбленному показалось, что речь идет о них.

Володя, не на шутку разошедшийся, продолжал добивать друга:

– И в тот же день судьба почти знакомит тебя с девушкой, в которую ты, судя по твоей восторженной роже, сразу и бесповоротно влюбляешься. Но ты – ты недоволен тем, что она не оказывается каким-то чудом непосредственно в твоих объятиях, а глядит на тебя с расстояния тридцати трех метров. И ты сидишь сложа руки и ждешь чего-то еще! Большого!.. Да ты не фаталист, мой друг (коим ты хочешь себя представить). Ты просто лентяй! Ты не желаешь сделать даже малость, чтобы чуть поправить судьбу, которая и без того проявила к тебе благосклонность!.. Лентяй, если не сказать большего!..

Валерий натянуто улыбнулся.

– Большого? Чего же больше-то?

– Да ты просто вахлак, если не сказать... Ладно, не буду...

– Нет, ты скажи!.. Что, я трус, да?.. Ты так хотел меня обозвать?

– Хотел!.. Но не обзову! Потому что, если обзову, мы с тобой поругаемся. И рассоримся. Может, навсегда. А я не хочу с тобой ссориться. Потому что я считаю, что ты мне послан судьбой. Как и я – тебе. И я не хочу из-за какой-то полупьяной ссоры на пустом месте тебя терять!..

От последних проникновенных слов Владимира Валера немедленно расчувствовался, тут же забыв все обиды, которые ему только что успел нанести его товарищ. Легкость перехода от гнева к умилению, от раздражения к ласке являлась доминантой в его эмоциональной конституции.

– Раз так, – сказал Валерка, – давай замнем эту тему. Для ясности. А то и правда разругаемся... Лучше, может, выпьем? Не за судьбу, не за любовь, а – за дружбу. А?

– Прекрасный тост, – развел руками Володя. – Теперь я слышу речь не мальчика, но мужа.

Он плеснул замечательного коньяку в стопки другу и себе, и студенты звонко чокнулись.

А тут подоспела и официантка с новым роскошным блюдом: уткой по-пекински. Спротисла интимно, невзначай задев грудью плечо Владимира:

– Чего-нибудь еще, мальчики?

– Нет, нам всего хватает, но вы, девушка, пожалуйста, рассчитайте нас.

– Рассчитать? – удивилась подавальщица.

– Да, принесите, пожалуйста, счет. Мы, как уточку вашу съедим, сразу уйдем. Только запишите в приговор еще два черных кофе. И его не забудьте нам принести.

– Как скажете.

Официантка салфеткой смахнула со стола хлебные крошки и удалилась, слегка обиженная.

– Зачем нам прямо сейчас счет? – удивился Валера.

– А что нам здесь сидеть? – слегка фальшивым голосом ответил его товарищ. – Народу нет, музыки нет, и даже моя робкая провокация насчет похулиганить не возымела никакого отклика...

Валера улыбнулся. Нет, сердиться на Володю было решительно невозможно. Даже когда он справедливо выговаривал другу – а ведь большее всего ранят именно справедливые замечания.

– Давай-ка, – продолжил Владимир, – выпьем под горячее, и, как писали в дореволюционных романах, воздадим должное утке.

После пятой рюмки у Валерки слегка поплыла голова, и он впал в состояние эйфории. Все вокруг казалось ему необычайно милым: и его товарищ – суровый, но честный и близкий,

и огромный полупустой зал ресторана, и безвкусовые псевдокитайские росписи по стенам, и троица, сидевшая неподалеку – а главным образом, конечно, *его* девушка, которая, как показалось Валере, украдкой ему улыбнулась. Очень милой показалась ему и немолодая официантка, что принесла и подала Володе счет на блюдечке.

– Сейчас-сейчас, – отослал ее Владимир, – мы утку доедим и рассчитаемся. А вы нам пока кофе несите, пожалуйста.

Довольно быстро друзья покончили с уткой, и настолько ресторанная изысканность оказалась вкуснее, тоньше и сытнее повседневной еды в столовых студгородка, что блаженство, кажется, настигло не только тонко душевно организованного Валерку, но и непробиваемого Владимира.

– Вот это жизнь! – удовлетворенно вздохнул он. – А ты еще, чудило, не хотел кошелек подбирать!

Между тем подходил к концу сабантуйчик за столом, где сидела девушка. Трое посетителей ограничились бутылкой сухого вина, мороженым и кофе. При мысли о том, что они вот-вот уйдут и он не увидит черноглазую девушку, может быть, больше никогда, у Валерия резко испортилось настроение.

– Ну-ка, посмотрим, что нам тут она насчитала, – потянул Володя руку за счетом. – Однако! Тридцать один рубль двадцать копеек! Ни фиги себе пельмешек!.. Хм. Слушай, чувак, – обратился он к товарищу, – у тебя с собой никаких денег нет?

Его вопрос прозвучал, пожалуй, несколько громче, чем следовало.

– Каких тебе еще денег?! – вылутился на приятеля Валера и прошипел: – Ты же весь кошелек себе взял!

Однако Володя под столом наступил другу на ногу: сиди, мол, тихо и подыгрывай.

– Нет, ну, может, ты по карманам посмотришь?

Не понимая, что за представление затеял Владимир, Валера послушно принялся шарить по карманам джинсов.

– И ведь всего-то ничего не хватает! – принялся громко сокрушаться Володя. – Всего-то рупь двадцать!.. Ну, у тебя тоже ничего?..

Валерка растерянно пожал плечами, хотя на самый последний случай у него всегда имелась с собой пятерка, засунутая в свернутом виде в «часовой» кармашек джинсов.

– Ничего.

– Да, и у меня только боны...

«Какие такие боны?! – едва не воскликнул Валерка. – У тебя же в кармане полный лопатник! Шестьсот с лифую рублей!»

Однако все же смолчал.

– Что ж, – воскликнул Владимир решительно, – мир не без добрых людей!

Он встал.

И не успел Валера и глазом моргнуть, как друг уже оказался рядом со столиком, за которым сидело двое пылко влюбленных и при них – черноглазая девушка. Они только что расплатились и, похоже, как раз собирались уходить.

– Что он творит? – прошептал Валерка.

С чуть смущенным выражением лица Володя обратился к троице, в основном апеллируя к мужчине. Слов Валера не слышал и напряженно наблюдал за разворачивающейся немой (для него) сценой.

Володя, что-то рассказывая, сделал жест в сторону сидевшего товарища, и все трое дружно заулыбались. «Что он им несет?!» – с тревогой подумал Валера и почувствовал, как его щеки запунцовели от смущения.

Наконец мужчина что-то произнес в ответ студенту, и все четверо – включая и Володю – расхохотались. Потом мужик достал из внутреннего кармана пиджака портмоне (издалека

Валерке показалось, что оно точь-в-точь такое же, какое они нашли в кинотеатре «Зарядье»), открыл его, вытащил банкноту и протянул Володе.

– Да он побирается! – возмущенно прошептал Валерка. – Что он, с ума сошел?!

Издалека было видно, что его товарищ горячо благодарит мужика, прикладывая руки к сердцу. Тот делает отстраняющий жест – мол, чепуха, не стоит благодарности. Володя настаивает. Мужик отрицательно качает головой. Володя хмурится и вкручивает что-то веское.

Наконец мужчина сдается и указывает взглядом на «Валеркину девушку». Девушка улыбается, секунду колеблется, а затем достает из сумочки ручку и что-то пишет на бумажной салфетке.

Володька кланяется – на сей раз черноглазой красавице – и произносит, улыбаясь, длинную тираду, после которой все снова смеются.

Затем студент отваливает от чужого столика и возвращается к Валерке.

Усевшись, он протягивает товарищу трехрублевую купюру. И подмигивает ему так, что это незаметно от соседского столика. И назидательно произносит:

– На, держи. Пусть тебе будет стыдно. Будешь знать, как приглашать друга в ресторан, а потом денег не иметь, чтоб расплатиться.

– Что ты несешь?! – шипит Валерка. – Что ты там им сказал?!

В этот момент троица – мужик, влюбленная в него блондинка и «Валерина» брюнетка – поднялась из-за своего столика и последовала к выходу из державного зала.

Они, все трое, улыбнулись походя Валерке с Володей, а девушка – с ума сойти! – даже радужно помахала им рукой.

– Пока-пока, мои дорогие, – сделал им ручкой Володя. – До новых встреч!

Когда троица исчезла за дверью, Валерка набросился на друга:

– Что ты за спектакль устроил?! Что за пантомима в трех частях?!

Володя в ответ лишь усмехнулся:

– Почему же пантомима? Я был очень даже говорлив. Это ты тут молчал в тряпочку, словно тень отца Гамлета.

– Что тебе от них понадобилось?

– Видишь ли, мой юный друг, я рассказал нашим соседям по ресторану правду.

– Правду?!

– Ну да. Я сказал, что ты мой старый школьный приятель. Мы давно не виделись. Ты был на практике в Египте, на Асуанской плотине...

– Что за бред!.. – скривился Валерий.

Не обращая внимания на его реплику, друг продолжал:

– И по случаю возвращения из жарких стран пригласил меня в ресторан. Однако не рассчитал свой бюджет, скотина, – подожди, подожди, не бросайся на меня, слово «скотина», как и другой грубятины, я *им* о тебе не говорил. Это я сейчас говорю – чтоб тебе понятней была вся бездна моего недавнего унижения... Я сказал моим новоявленным друзьям, что у тебя, чтобы расплатиться по счету, не хватило одного рубля двадцати копеек...

Валера схватился за голову и чуть не застонал: каким же простаком выставил его перед девушкой товарищ!..

Однако Владимир невозмутимо продолжил рассказ:

– Увы! У тебя в кармане имелись одни только боны, или чеки Внешпосылторга, которые ты не успел обменять на рубли. Я пообещал товарищам, что ты немедленно – слышишь, сегодня же! – поменяешь чеки и вернешь им долг. Мужик, его зовут Анатолием, от широты душевной пожертвовал тебе треху – чтобы, как он сказал, и на чаевые хватило. А когда я спросил, когда и куда *ты* должен подвезти им долг, Анатолий заявил, что он с молодой женой (той самой блондинкой, что все время смотрела на него овечьим взглядом) сегодня покидает столицу нашей Родины. И что твой долг он прощает. Однако я настаивал. Я был убедителен и крас-

норечив. И тут – литавры, марш! – твой заимодавец переложил бремя взимания с тебя долга на хрупкие плечи – внимание! – своей сестры. Твоей чернявенькой красавицы. Она постоянно проживает в Белокаменной и готова получить *от тебя* заем в любое время дня и ночи. Залогом чего является...

Володя торжественно вытащил из заднего кармана джинсов исписанную салфетку.

– Опа!.. Является ее имя и телефон!..

– Класс! – только и оставалось выдохнуть Валерке.

– Однако вы, синьор, не получите ни имя, ни телефончик до тех пор, покуда не исполните три моих желания.

Валера нахмурился:

– Каких еще желания?

– Ну, во-первых, вы, сэр, как это принято при получении долгожданного и приятного известия, сейчас же станцуете для меня... Это – раз.

– Дальше, – насупился Валерка.

– Два: вы, сэр, споете – что-нибудь бравурное. А три: немедленно закажете, не оглядываясь на найденный кошелек, из своих подкожных запасов, еще одну бутылку коньяка системы ВК-КВ...

– Боже мой, – выдохнул Валерий. – Какой же ты бредятины нагородил девчонке!.. Асуанская плотина, чеки Внешпосылторга... Асуанскую плотину советские специалисты уже лет десять как не строят... И на какой такой практике я мог быть в Египте?.. Это что тебе, Рыбинская ГЭС?.. Как я с девушкой объясняться буду?!.

Володя нахмурился:

– Ты мне зубы-то не заговаривай!.. У тебя, что – был способ лучше, чтобы познакомиться с гражданкой?! Был? Почему ты его тогда не использовал?! А теперь к словам придираешься! А ну, давай: пой, пляши и коньяк заказывай. Считаю до трех. Раз...

Владимир достал из кармана спички.

– Два.

Он чиркнул одной.

– Два с половиной.

Поднес пламя к сложенной салфетке с записанным на ней телефоном.

– Два на веревочке...

Салфетка занялась.

– Стой!

– Что, созрел? Пляшешь?

Голой рукой Володя затушил салфетку.

– Да! Но тебе же хуже будет.

– С чего бы?

– А выведут нас отсюда.

– Не бойсь, не выведут.

И тогда Валера решительно налил себе рюмку коньяка, махом выпил и отодвинул стул.

После успеха друга к нему вновь вернулось чувство эйфории.

И он прошелся вокруг стола вприсядку, помахивая льняной салфеткой. Танцевал он здорово.

Глядевший на него, не отрываясь, Володя, захлопал в ладоши: «Браво!» Артистизма Валерке никогда было не занимать – только он предпочитал расходовать его либо вхолостую, перед друзьями, либо увеселять большие массы студенческой молодежи – но, увы, не ставить на службу своей собственной личной выгоде.

Затем Валера, слегка запыхавшийся, остановился у своего стула и запел приятным баритоном, делая рубленые жесты рукой в стиле Льва Лещенко, песню про Москву: «Прямые проспекты и башни старинные – это Москва!..»

Группа иностранцев, сидевшая за дальним столиком в сопровождении переводчика, с живейшим интересом наблюдала за выступлением Валерки – полагая его, видимо, преддвением вечернего шоу а-ля рюс. Кто-то из них зааплодировал.

Однако тут к столику друзей подскочила нахмуренная официантка и металлическим голосом проговорила:

– Молодые люди, танцевать нельзя! Рано!

– А петь? – лукаво спросил раздухарившийся Валерка.

– Тем более.

– А пить?

– Можно, – словно играя в пинг-понг, немедленно ответила подавальщица. – Но – в меру.

И только после того, как вы счет оплатите.

Володя немедленно вытащил из кармана три червонца и протянул их девушке средних лет. Затем присовокупил к ним трешку, позаимствованную у чужой компании, и молвил:

– Сдачи не надо.

– А нам, – подхватил Валера, – принесите, пожалуйста, еще одну бутылочку такого же коньячка.

– Спасибо, мальчики.

Тетенька снова мимолетно прижалась грудью к плечу Володи и, довольная, ускакала на кухню.

– Вот! – с удовлетворением молвил Владимир, посматривая на Валерку, словно мэтр на любимого ученика. Будто Державин на Пушкина или Нейгауз на Рихтера. – Можешь же, когда захочешь! И петь, и плясать, и девушек пленять... Ладно, держи.

И он протянул другу салфетку, на коей было написано аккуратным, быстрым девичьим почерком:

Лилия.

228-33-32

– Звони сегодня же, – наставительно проговорил Володька. – Помни: ты ей треху должен. А лучше – звони все-таки завтра, когда проспишься и похмелишься.

В ответ Валерка наклонился над другом, схватил его за уши и поцеловал в стиле Леонида Ильича Брежнева – взасос прямо в губы.

Пару лет назад: телецентр «Останкино»

Совещание по итогам кастинга для программы «Три шага до миллиона» проходило в быстром темпе – как, собственно, и все, что делала Лилия. Если бы Лилия Станиславовна Велемирская, генеральный продюсер телекомпании «Игла-ТВ», медлила и рефлексировала, то и десятой доли не успела бы совершить из своего каждодневного расписания.

– Номер семнадцатый – Валерий из Москвы. Ваше мнение, уважаемые дамы и не менее уважаемые господа?

– По-моему, великолепен.

– А на мой взгляд, – простоват.

– Да, чуть-чуть больше простак, чем необходимо.

– Ну и что? Народ любит простаков. Зрителю легче себя с такими идентифицировать.

– Согласна. Какие у него шансы?

– Ну, главное, Лилия Станиславовна, он, судя по лицу, манерам и результатам тестов, аудиторию будет держать.

– Насколько – держать?

– Так, что не оторвутся. У него харизма, как у Миронова. Не сегодняшнего унылого Миронова – а другого. Я имею в виду Андрея.

– А вы что скажете, профессор?

– Однозначно да. Безусловно, номер семнадцатый будет хорошо смотреться. Интеллект высокий. Ай-кью по Айзенку около ста сорока. Тип личности возбудимый. Экстраверт, холерик. Остроумен, своеобразен, убедителен. В общем, я, безусловно, – за.

– Я тоже – за. Я согласна, в нем есть харизма. Несмотря на простоватость, он странно притягателен. Много тетя Маш из Тамбова в него влюбятся. Он будет выглядеть.

– Согласна.

– Значит, берем?

– Да.

– Да.

– Да.

– Ну, и отлично. Давайте постараемся, чтобы он продержался подольше. И выиграл побольше. Народу нравится, когда Иванушка-дурачок вдруг срывает банк. Все любят сказки.

* * *

В.В. откинулся в кресле для посетителей.

Офис у детектива Пылова был маленький, но уютный, со вкусом обставленный. Кресла в переговорной комнате кожаные. На столе компьютер с огромным монитором.

Охрана В.В. осталась внизу.

Этот разговор – только для ушей частного сыщика, и ничьих больше.

– Итак?

Факты, и только факты, – таков был принцип детектива Пылова. И никаких оценок. Выводы клиент будет делать сам. Он внушительно откашлялся.

– Вчера объект вышел из своего офиса на улице Академика Королева в двадцать один двадцать девять. Ее сопровождал молодой человек. Они вместе сели в машину объекта.

На мониторе, развернутом экраном в сторону посетителя, пролетели снимки: *она* и какой-то молодой, красивый хлыщ выходят из телецентра. Подходят к машине. Она садится на водительское сиденье своего «Лексуса». Юный красавчик по-хозяйски занимает пассажирское кресло.

– Кто он, удалось установить?

– Максим Плюсниченко. Работает на телевидении оператором. В той же компании, что и объект. Стало быть, она – его начальница. Плюсниченко – восемьдесят второго года рождения. Образование среднее. Проживает в принадлежащей ему двухкомнатной квартире по адресу: Стрелецкая, тридцать пять...

– А вот они на месте.

На экране пролетели еще снимки: они выходят с территории автостоянки где-то на окраине. Уже стемнело, но съемка идет в инфракрасном режиме.

Вот он обнимает женщину за талию. Она доверчиво льнет к юнцу. Украдкой оглянувшись, он целует ее. Прямо в губы.

Вот они отстраняются друг от друга и оба хохочут. Идут дальше. Он открывает перед ней дверь подъезда, они входят.

Детектив продолжил свой отстраненный комментарий.

– Реальная зарплата у этого Плюсниченко около тысячи двухсот долларов в месяц. У него есть долги. В одном банке – немногим менее двухсот тысяч рублей. В другом – сто одна тысяча. Наконец, в третьем – пятьдесят три. Выплаты по кредитам Плюсниченко производит аккуратно. Пока. Но уже находится на грани: общая сумма ежемесячно выплачиваемой им задолженности составляет семьсот долларов в месяц... Нетрудно посчитать, что на жизнь ему остается всего лишь пятьсот...

– Она, что же, помогает ему материально?

– Подобных свидетельств у меня нет. Во всяком случае, мы не зафиксировали, чтобы он у нее что-либо просил, а она передавала бы ему какие-либо деньги или ценности...

– Значит, мальчик ждет повышения... – словно бы про себя пробормотал В.В. – Может быть, он связан с криминалом?

– Мы отработали его связи. Никаких контактов подобного рода не выявлено.

– Как у мальчика со здоровьем?

– В норме. Мои люди заглянули в его медкарту в прикрепленной поликлинике: ничего криминального, пару раз гриппом болел.

– Другие женщины в жизни пацана имеются? Или, – В.В. хмыкнул, – может быть, мужчины?

– Нет. В настоящий момент, кроме *объекта*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.